

Рыжая врачиха с отросшими на полголовы седыми корнями надвинула на глаз круглое зеркало с дырочкой посередине и, обдав Лелю крепким духом только что выкуренной сигареты, приказала:

– Открывай рот, красавица.

– Только не надо этой штукой на язык давить, – остановила Леля ее руку с блестящим шпателем. – Я сама открою.

– А что такое? – удивилась врачиха.

– У меня повышенный рвотный рефлекс.

– Ишь, какая грамотная, – повернулась лор к Лелиной маме. – Ну давай, открывай сама.

Леля глубоко вдохнула, прижала язык книзу, чтобы он не мешал обзору, расслабила гортань и широко открыла рот. Это был ее фирменный трюк, отработанный на участковых врачах из детской поликлиники, всю жизнь норовивших залезть ей в горло своей железякой.

– Ты смотри, какая панорама! – восхитилась лор-врачиха. – До желудка все видать. Молодец, закрывай.

В общем-то, горло врачиха посмотрела для проформы. У нее уже были Лелины анализы крови и рентген, который показывал уровень жидкости в гайморовых пазухах. То есть двусторонний гайморит.

Перед тем как попасть в кабинет лора, Леля с мамой истомились в коридоре детской поликлиники. Леля успела наизусть выучить написанную от руки печатными буквами стенгазету, посвященную ОРЗ и ОРВИ, а мама,

с саркастической улыбочкой оглядывая соплившую очередь из хнычущих малышей, угрюмых школьников и грустного мальчика с повязкой на ухе, тихонько приговаривала: «Да-а-а, встряли мы тут с тобой до вечера». Особенно тоскливо становилось, когда врач вдруг выходила из своего кабинета и, бросив: «Не заходить, приглашу», удалялась в неизвестном направлении.

Мама работала корреспондентом в главной республиканской газете «Правда Бурятии», и, чтобы пойти с Лелей в поликлинику, ей пришлось отпрашиваться у главреда. Леля прекрасно могла бы сходить к врачу и одна, но тут вопрос был серьезнее, чем просто взять справку. Решалось, нужно ли ей лечь в больницу.

– Ну что я вам скажу, девочки, – по очереди глядя то на маму, то на Лелю, торжественно заявила врачиха, – обострение гайморита, в пазухах гной, надо госпитализировать и лечить.

– И пункции придется делать? – тревожным голосом спросила мама.

– А как же, – уже не глядя на них и копошась в каких-то бумагах, с энтузиазмом отозвалась врачиха, – и пункции, и уколы, и таблетки. Это же гайморитовы пазухи – голова, рядом мозги. Тут не до шуток. Так, Ольга Базарова, сколько полных лет?

– Тринадцать, – притихшими голосами хором отозвались мама и Леля.

На улице уже стемнело, и в лицо резанул ледяной ветер.

«Первое марта, называется», – подумала Леля.

До настоящей весны в этих краях было еще очень далеко, и она натянула на нос вязаный шарф. Мамина подруга, тетя Люда, еще осенью научила ее вязать модной английской резинкой – лицевую петлю провязываем, изнаночную с накидом снимаем, – и Леля связала себе

длинный шарф с кистями из черно-бордовой меланжевой пряжи. Муж тети Люды, дядя Стас, работал главным инженером на тонкосуконном комбинате, где как раз и производили шерстяную пряжу. Просто так купить ее в магазине было невозможно – поставки разлетались по всей стране и уходили в торговую сеть, как вода в песок. Но у тети Люды пряжа самых красивых расцветок была всегда, она и подарила три мотка Леле. Двухметровый шарф с кистями был пискom моды и предметом постоянных препирательств с учителями. Девчонки, у кого были длинные шарфы, не оставляли их в раздевалке, а гордо шли на уроки, намотав поверх белого воротничка школьной формы.

– Базарова, Тарханова, немедленно снимите свои кашне! – требовала классная.

– Ну холодно же в школе, Раиса Дмитриевна, – ныли Леля и ее подруга, модница Иришка Тарханова.

Мама у нее была заведующей складом, и Иришка уже в шестом классе к всеобщей зависти ходила с дипломатом и носила финские сапоги на «манке».

– Мы в них руки греем, вот, смотрите! – И девчонки заворачивали свои шарфы наподобие муфты.

– На перемене грейтесь, – была непреклонна Раиса Дмитриевна, – а на уроке извольте снять свои удавки. И, Тарханова, где опять твой пионерский галстук?

Пышноволосяя Иришка уже в двенадцать лет обзавелась округлой женственной фигуркой с тоненькой талией и выглядела скорее как миниатюрная десятиклассница. Леля тоже, наплывая километры в бассейне, как-то внезапно вытянулась в стройную, длинноногую атлетку с красивой осанкой и заметной грудью. Носить красные галстуки девчонкам было стыдно. Не потому, что они имели что-то против пионерской организации. Просто галстуки предательски выдавали возраст.

Леля уже наполовину связала шарф и маме. Мама вязать не умела, да и не собиралась – ей всегда надо было что-то писать. Она писала интервью и очерки, рецензии и репортажи. Писала на серых листах писчей бумаги ровным, разборчивым почерком отличницы, нумеруя листы вверху, вынося на поля правки и выделяя фигурной скобкой и стрелочкой куски текста, которые следовало перенести в другое место. Потом она относила рукописи в редакционное машбюро, где всегда стоял жуткий грохот печатных машинок, и рукописные мамины буквы превращались в машинописные тексты, чтобы потом отправиться на редактуру, а затем – в набор. Мама писала в редакции, а по выходным – дома, в комнате под условным названием «кабинет», в котором по будням папа писал свою кандидатскую диссертацию.

– Ладно, дочь, не дрейфь, – бодрым голосом заговорила мама, шагая против мерзкого, пронизывающего до костей ветра. – Пункции – это, конечно, жуть, но заведующий лор-отделением – вот такой дядька! – Мама показала кулак с оттопыренным большим пальцем. У нее были молочно-белые варежки с красивым орнаментом. – Александр Цыренович, я о нем очерк писала в прошлом году.

Видеть мамины статьи в ежедневной газете было для Лели делом привычным, хотя, если честно, газеты Лелю не интересовали. На первой странице, или, как говорила мама, на первой полосе, всегда было какое-то занудство про Политбюро ЦК КПСС, на второй – вести с полей и заводов. Вот на третьей становилось поинтереснее – научные открытия и спорт, театры и заезжие звезды эстрады. Ну а на четвертой полосе была сборная солянка – фельетоны, стихи местных авторов, полезные советы по домашнему хозяйству, кроссворды и объявления о том, кто умер и когда приходит проститься. Это называлось «некро-

логи». Маленькие прямоугольные рамочки в самом низу страницы, а в них очень короткий текст. Леля иногда считала, сколько лет было человеку, который умер, потому что указывался год его рождения. Обычно это были пожилые люди, но однажды Леля посчитала и испугалась – девочке было всего семь лет. Но что с ней случилось, в маленьком некрологе сказано не было.

Леля натянула свой шарф повыше, закрывая лицо от ветра. Они шагали вверх по улице Бабушкина, мимо универсама «стекляшка», где по субботам были давки в очередях за вареной конской колбасой. Мимо проката, где Леле взяли пианино, когда она пошла в музыкальную школу, чтобы не покупать свое, и теперь, вот уже шестой год, платили за него два рубля каждый месяц. Мимо «Дома торговли», где изредка бывал какой-нибудь дефицит и недавно Леле купили спортивный костюм. Не импортный, но все равно. Он был шоколадного цвета, с белыми полосками на манжетах и воротнике, а воротник – на молнии. Леле он очень шел, она его просто обожала.

Ветер швырял в лицо мелкие снежинки, и они больно кололи лоб и щеки. Мимо продребезжал трамвай. Вообще-то до дома можно было доехать, но мама предложила идти пешком, чтоб не мерзнуть неизвестно сколько на остановке. К тому же она очень надеялась успеть на премьеру «Медеи» в Театр русской драмы. Рецензию на спектакль ждали в номер, и у мамы теперь были все шансы, поскольку до театра от дома пешком было три минуты. Лелю всегда удивляло, что с одной стороны от их дома находилась городская цивилизация в виде института культуры, драмтеатра и большого торгового центра, а с другой – буквально через дорогу – город заканчивался. Приземистые деревянные домишки частного сектора спускались с крутого косогора к притоку Уды, который все называли «протокой», дальше простиралась равнина,

вдали виднелись дачные кооперативы, а за ними – поросшие густой тайгой сопки.

Леля, конечно, дрейфила, потому что больница, гайморит, пункция – все это звучало жутковато. Зато в больнице не будет пианино – это плюс. Когда она болела дома, заниматься музыкой, если нет температуры, надо было все равно. Лелина одноклассница Маринка однажды лежала в больнице, ей вырезали аппендицит. И подруга Настя лежала – ей делали зондирование, заставляли глотать какой-то длинный шланг, а в палате после отбоя девчонки рассказывали страшные истории, как в пионерлагере. В общем, было весело. Но Леля не думала, что когда-нибудь ее тоже положат в больницу! Болела она не чаще других. Так, простуда пару раз за учебный год. Только однажды, во втором классе, когда ее опять отправили на целый год к бабушке на Украину, у нее была по-настоящему сильная гнойная ангина. Участковый врач заглянул к ней в горло и сказала бабушке что-то такое, от чего та схватилась за сердце. Леля тоже хотела посмотреть, что там творится. Когда ее оставили в комнате одну, она выбралась из постели и взяла со стола круглое зеркальце на ножке – с одной стороны обычное, а с другой – увеличительное. Открыла рот, но видно ничего не было. Тогда Леля подошла к окну, встала так, чтобы на лицо падал дневной свет, и открыла рот уже как следует. Как она сделала это сегодня у рыжей врачихи. Картина Лелю изумила – в глубине горла у нее как будто бы росли два мухомора: ярко-красные гланды были усыпаны мелкими белыми точками.

В тот раз у нее была самая высокая в ее жизни температура – тридцать девять и шесть. Ей снились странные тягучие сны и какие-то крупные шершавые существа на тоненьких липких комариных ножках. Когда много лет спустя, уже студенткой, Леля впервые увидела картины Дали, то сразу поняла, что они ей напоминают.

Как только Леля выздоровела, бабушка сразу же повезла ее через весь город на прием к своей школьной подруге Любовь Семеновне, известному лор-врачу. От этого визита у Лели осталось два воспоминания – ужасное и прекрасное. Ужасным было то, что бабушкина подруга как бы невзначай зашла сзади за стул, на который усадили Лелю, и внезапно запустила ей в рот всю свою пятерню, да так глубоко, что ее пальцы чуть не вылезли у Лели через нос. У нее потемнело в глазах, и, когда Любовь Семеновна наконец вытащила руку, Леля хотела разреветься, но чудом сдержалась и только затаила лютую обиду. Не потому, что Любовь Семеновна сделала ей больно, а потому, что не предупредила, не объяснила, что таким образом проверяют аденоиды, а вместо этого взяла и напала сзади, как враг! А Леля бы поняла и спокойно потерпела, она же не дурочка.

Ну а прекрасным было то, что Любовь Семеновна объяснила бабушке, что удалять гланды не надо: они защищают весь организм, принимают удар на себя. А аденоиды, за которыми она, собственно, лазила Леле в носоглотку, удалять тоже не требуется. Они, скорее всего, сами исчезнут «в пубертатный период».

Сейчас Леля вообще не чувствовала себя больной. Рядовое февральское ОРЗ прошло, от него остался только заложенный нос. Но это ведь ерунда, подумаешь! Иногда к вечеру начинала болеть голова, и неприятно было, если надавить пальцами на лицо возле носа. Леля даже начала снова ходить на тренировки в бассейн. Какая же она больная без температуры?! Но лор-врач в детской поликлинике так не считала, она назвала это осложнением и назначила рентген. И вот теперь, уже в понедельник, Леля ляжет в настоящую взрослую больницу.

Республиканская больница оказалась красивым зданием в сталинском ампире. Утро выдалось морозным и очень солнечным, огромные сугробы вдоль расчищенной спозаранку дорожки искрились, как дождик на новогодней елке. Широкое парадное крыльцо четвертого корпуса с белыми колоннами выглядело торжественно и напоминало фасад оперного театра, а потолки в приемном покое были, наверное, пять метров высотой. Александр Цыренович встретил их сам. Смуглый, поджарый, как спортсмен-легкоатлет, в очках с металлической оправой и с черными с проседью волосами, он тепло пожал маме руку. Пробежал глазами направление, улыбнулся: «Не думал, Татьяна, что такая взрослая дочка у вас. И так похожа на маму». Не успела Леля оглянуться, как медсестра уже вела ее в какую-то подсобку, где пришлось оставить свое зимнее пальто и переодеться в захваченный из дома байковый халатик и домашние тапочки.

Дальше Лелю повели по широкому коридору лор-отделения к дверям седьмой палаты. Острый, тревожный больничный запах здесь был еще сильнее. Навстречу Леле, шаркая тапочками, прошел высокий худой мужчина в пижаме, висевшей на нем, как на пугале, и Леля в ужасе округлила глаза: в горле у мужчины зияла дыра, а в нее, зафиксированная кусками пластыря, была вставлена металлическая трубка. Леля никогда в жизни не видела ничего подобного. Вообще в больнице, прямо там, где лежат больные, Леля была только однажды, ей было тогда лет пять. Они с бабушкой приходили провести бабушкину подругу тетю Соню. Когда-то они преподавали в одной школе: бабушка – русский и литературу, а тетя Соня – физику.

У тети Сони был рак поджелудочной железы. Ей сделали операцию, и она лежала невероятно бледная, а глаза на худеньком лице из-за потемневших век казались огромными. Бабушка присела на стул у кровати, а Леле сесть было некуда, и тетя Соня легонько похлопала одними пальцами по краю постели: «Сядь сюда, рыбонька». Она улыбалась Леле и бабушке, но очень осторожно. Казалось, будто она старается не шевелиться. Потом уже Леля узнала, что так оно и было, потому что боли, которые мучили тетю Соню до операции, после никуда не делись, а только стали сильнее, и ей все время кололи обезболивающие, которые плохо помогали. Они с бабушкой негромко говорили об операции, и бабушка спросила, приходил ли Лева, тети Сонин сын, и она ответила, что он – да, а Эльвира и внучка – нет. Это была тети Сониная драма – какой-то ужасный разлад с невесткой, а из-за нее и с единственным сыном. Леля не знала, в чем там было дело, но не могла понять, как с тетей Соней вообще можно поссориться и как можно ее не любить? Леля слышала, как тем же вечером бабушка дома говорила кому-то по телефону: «Сонечка еще в больнице, да. Врачи сказали, что помочь уже невозможно. Разрезали и зашили». И горько-прегорько вздыхала.

Леля очень любила тетю Соню. У нее были пышные седые кудри и хорошая, ласковая улыбка. Один зуб в верхнем ряду был металлический, но не желтый, а серебристый, и это ее совсем не портило. Обычно тетя Соня приходила в гости к бабушке по вечерам. Они садились в кресла по обе стороны от журнального столика в гостиной, включали телевизор фоном, о чем-нибудь говорили и пили растворимый кофе со сгущенкой и печеньем «Дніпро». Кофе и сгущенка были из дефицитного бабушкиного пайка, который полагался ей как инвалиду войны. Бабушке все это было стро-

го запрещено из-за диабета, поэтому сгущенка предназначалась Леле и гостям.

В то время они жили с бабушкой вдвоем. Летом мама прилетала из Улан-Удэ в отпуск, но каждый раз Лелю решали оставить на Украине еще на один год. Лелин папа был родом из Бурятии. Познакомились они с мамой в Ленинграде – вместе учились там в университете, а потом уехали к папе на родину.

«Улетела за пять тысяч километров в эту ледяную тундру», – сокрушалась бабушка.

Рожать Лелю мама приехала домой, на Украину, пока папа после университета служил в армии, и с тех пор ее так и не решались забрать в Улан-Удэ. Считалось, что климат там слишком суровый для ребенка.

С бабушкой было хорошо и спокойно, но Леля страшно тосковала, особенно по маме. В детский сад бабушка ее категорически не отдавала, хотя он был прямо под окнами их пятиэтажки, и Леля смотрела, как дети играли там все вместе в своих песочницах. Леля тоже играла – с девчонками со двора. Почему-то все они были старше – Наташка на год, Вита на два, а Лэся и Оксана вообще на три, они уже ходили в школу. Иногда девчонки не хотели брать Лелю в игру, потому что она маленькая. А иногда белобрысая Оксана, дочка дворничихи тети Гали, и Лэся, которая все за ней повторяла, говорили, что пусть Леля уходит, потому что у нее бабушка жидовка, а значит, она сама тоже жидовка. Леля не понимала, что именно это значит, но знала, что это какое-то очень обидное и страшное слово. И она уходила домой, и ей было очень-очень грустно. Но бабушке она не хотела ничего рассказывать и вообще произносить это гадкое слово. А на следующий день девчонки во дворе уже как будто ничего и не помнили и снова брали Лелю играть. А однажды Наташка и Вита показали ей, как делать веселый массаж. Нуж-

но было приговаривать: «Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы, едет поезд запоздалый, вдруг из пятого вагона рассыпался горох...» – и все это изображать на чьей-нибудь спине. Леле особенно нравилась та часть, где в массаж приходит начальник и начинает печатать на машинке: «Я купил жене и дочке десять розовых платочков. «Вжик-вжик» – точка!» На «вжик-вжик» нужно было ткнуть пациента пальцами в бока, и пациент обычно хохотал от щекотки. А потом, когда начальник заклеивает конверт и ставит печать, надо было крепко стукнуть по спине кулаком.

Вечером, когда в гости пришла тетя Соня, Леля предложила: «Давайте сделаю вам веселый массаж, хотите?» Для этого тетю Соню специально усадили на табуретку, в кресле до спины было никак не достать. Леля очень старалась, и «вжик-вжик», и печать поставила как следует. А на следующий день тетя Соня рассказывала бабушке по телефону: «Бэла, представляешь, я чувствую утром, как-то побаливает спина. Посмотрела в зеркало, а у меня синяк под лопаткой. Лелечка массаж сделала от души, сильные ручки, надо ее в спортивную секцию отдать!» И было слышно в трубку, как она смеется.

Рак «сожрал» тетю Соню очень быстро, в считанные недели. Тогда, в больнице, Леля видела ее в последний раз.

– Проходи, вон твоя кровать, – пожилая медсестра легонько подтолкнула Лелю в бок, – а это твоя тумбочка. Передачи открытые не хранить, печенье, пряники, все в мешочках, и чтоб никаких крошек, а то тараканы набегут.

Тараканы. Это был самый страшный Лелин кошмар. Мама забрала ее с Украины перед самой школой. У бабушки ни о каких тараканах Леля не слыхала, поэтому, в первый же день столкнувшись с новой действительностью в виде огромного таракана практически у себя над головой, прямо в ванной комнате, Леля перепугалась до слез. Конечно, со временем она привыкла, что иногда

в их стерильно чистой квартире появлялись «гости от соседей», которых немедленно уничтожали тапком или дихлофосом. Причем на время спецоперации Леля пряталась где-нибудь в дальнем углу. Но так, чтобы прямо в тумбочке возле кровати? Прямо возле подушки?..

– Ты че, так и будешь теперь стоять? – услышала Леля. – Че остолбенела-то? Тараканов боишься?

Девчонка лет шестнадцати сидела, облокотившись на спинку кровати и для удобства подсунув под спину подушку. У нее было невероятно конопатое, почти оранжевое от веснушек лицо и толстенная медно-рыжая коса, которую она перекинула на грудь. Правый глаз был заклеен пластырем. Из-под ворота застиранного байкового халата виднелась коричневая водолазка, а из-под подола торчали ноги в синих трениках и толстых серых вязаных носках.

– А они тут правда есть? – покосилась на тумбочку Леля.

– О-о-о, еще как! Днем прячутся, а ночью скачут по стенам, как кони, – закивала конопатая соседка.

– Блин, я тут вообще спать не смогу. – Леля нахмурилась и скривила набок рот.

– Да они на кровати не заходят. Ну, почти, – засмеялась девчонка. – Привыкнешь быстро! Тебе халат такой красивый тут, что ли, выдали?

– Нет, это я свой из дома принесла.

– А кофту взяла? Штаны какие-нибудь теплые, носки?

– Не-а, не подумала...

– Ты скажи, чтоб принесли тебе! Тут дубак, околеешь в одном халате-то. Я вот, смотри, все натянула, что было!

В седьмой палате с высоченными потолками и огромными окнами, от которых невыносимо дуло, было восемь кроватей: четыре по правой стене и четыре по левой. Все они были заняты. Леля успела заметить совсем старень-

кую бабушку у одного окна и интеллигентного вида пожилую даму в очках у другого. А на кровати, что ближе к дверям, сидела женщина с маленьким ребенком. Она пристально смотрела на Лелю, качая своего малыша, но взгляд ее уходил куда-то сквозь Лелю и, наверное, даже сквозь стену.

К спинкам правых кроватей был вплотную придвинут общий для всей палаты обеденный стол. На нем стояли закрытые капроновыми крышками разнокалиберные банки с домашним вареньем – смородиновым, малиновым, ранеткой. Некоторые уже почти пустые. Лежали завязанные на узел целлофановые мешки с пряниками и печеньем, кучкой стояли чашки, а рядом – картонная коробка с сахаром-рафинадом. В этом натюрморте не хватало чайника, но Леля этого сначала и не заметила. Две средние кровати у правой стены, к которым прижимался стол, были сдвинуты вплотную, как одна двухспальная. На одну из этих кроватей как раз и определили Лелю, на другой восседала рыжая девчонка, так что у них получалась как бы одна большая кровать на двоих.

– Тебя как звать? – спросила рыжая соседка.

– Леля.

– А полное имя как? – удивилась она.

– Ольга. Лелей меня дома зовут, ну и подружки тоже.

Девчонку звали Светка. Светка Гарипова. Она приехала в Улан-Удэ из Гусиноозерска и училась в ПТУ на водителя трамвая.

– А че, отличная профессия для женщины. Четко же на трамвае! Целый день ездешь по городу, смотришь вокруг. А зимой, когда холодрыга на улице, люди тебя ждут на остановке, выглядывают, едешь ты там, нет. А ты р-р-раз – подъехала и двери им открываешь. И все рады, ломятся внутрь, как лоси! – И Светка широко улыбалась своим веселым рыжим лицом. – А ты где учишься?

– В школе.

– А-а, я думала, может, тоже в путяге.

– Да нет... Как думаешь, сколько мне лет? – прищурилась Леля.

– Ну, как мне, шестнадцать, наверное, нет?

– Не-а. Мне все больше дают, чем есть, – улыбнулась Леля. – Постоянно. Недавно, прикинь, отцу принесли домовой повестку из военкомата на какие-то военные сборы. Я дверь открываю, спрашиваю: «Кому повестка?» А они: «Вашему мужу, кому еще?»

– Не, ну по тебе можно сказать. Молодая жена, – ухмыльнулась Светка. – И че, ты взяла?

– Нет, ее надо было лично в руки, под роспись. И ребенку вообще нельзя повестку отдавать. Я же дочка.

– Папа твой, наверное, рад был, что пронесло, – прозорливо заметила Светка, потому что папа и правда был рад. – Так сколько тебе лет-то?

– Тринадцать вот только исполнилось. Я в шестом классе.

– Да ла-адно, не гони! – изумилась Светка.

– Я серьезно, вот у меня учебники с собой за шестой класс! – рассмеялась Леля. – Все, кто не знает, думают, что я минимум в девятом. Ну я и не спорю. Мне так проще, чем доказывать.

Вообще, Лелю немного смущало, что она на полголовы выше всех своих мелких еще ровесников, но выглядеть взрослой все же было здорово. В одиннадцать лет у нее раньше, чем у всех девчонок в классе, пришли первые месячные. Любимые, чудом доставшиеся Леле джинсы стали коротки и широки, зато от упитанного крепыша, каким она была еще недавно, в зеркале не осталось и следа. Учительница домоводства, где девочек учили снимать мерки и делать выкройку, сказала, что у Лели эталонная разница между талией и бедрами – прямо так

и сказала. А мама повела Лелю в магазин покупать первый, очень красивый кружевной лифчик, который жутко кололся, и носить его оказалось неудобно.

Леля сама с удивлением наблюдала все эти перемены. И если в первом классе она упросила маму отвести ее в парикмахерскую и сделать короткую стрижку, чтобы прекратить мучения с расчесыванием и заплетанием кос, то теперь она отрастила свои густые, тяжелые волосы ниже лопаток и носила их распущенными или собирала в высокий хвост на макушке.

– А сюда тебя с чем положили? – поинтересовалась Светка.

– Двусторонний гайморит, – пожалала плечами Леля. – А тебя?

– Не помню, как называется, с глазом, короче. Ты б меня видела в первый день! Знаешь, какую у меня шишку вот здесь разбарабанило? С куриное яйцо! – Светка показала на свой пластырь. – И быстро так надуло, я вообще не поняла, че к чему! Думала, ячмень. Грела сначала. Потом совсем плохо мне стало, девчонки скорую вызвали. Операцию в итоге пришлось делать. Но мне ничего не резали, проткнули слезную пору, прочистили там все. Говорят, еще немного полежу и выпишут.

– Больно было? – «Протыкание» слезной поры Леле сразу не понравилось.

– Ну, не столько больно, как противно и жутко очень, когда возле глаза возятся.

Леля слушала Светку, с опаской выкладывая в «тараканью» тумбочку свои вещи: учебники, книжки, вязание, зубную щетку, гигиеническую помаду с клубничным запахом и «Ленинградскую» тушь. Это секретное оружие, загибавшее ее длинные, но совершенно прямые ресницы вверх, она открыла для себя летом в пионерском лагере. И теперь, когда никого не было дома, ей нравилось

накрасить ресницы и, сдвинув створки трюмо, разглядывать себя в профиль. Получалось похоже на актрису из французского фильма «Шербурские зонтики». Правда, актриса была блондинкой. Зато Леля умела играть музыку из этого фильма на пианино.

– А тебе что-нибудь такое делать будут? – спросила Светка.

– Да, пункцию гайморовых пазух.

– О, такое дяденьке делали из соседней палаты. Я слышала, его на пункцию забирала медсестра. Можем спросить у него, как там, больно было, нет.

– А ты знаешь его?

– Да ходит такой, в синей пижаме.

– Да нет, я не про то. Ты знакома с ним?

– А че к чему знакомиться? Просто спросим – и все.

Пошли!

Светка подскочила, обогнула свою кровать и общий стол и направилась к двери, остановилась, махнула рукой Леле: «Пошли!»

В широком коридоре было очень светло и зябко. От огромных – таких же, как в палате, – окон тянуло холодом. Наискосок от двери палаты располагался пост медсестры – обычный письменный стол с настольной лампой и стопкой историй болезни. В паре метров от поста стоял старенький диван-книжка. Он выглядел совсем не по-больничному: уютный, домашний, с мягкими потертыми подлокотниками. На полу и подоконниках больничного коридора стояли горшки с цветами и кадки с фикусами и еще какими-то комнатными растениями, названий которых Леля не знала. Непонятно было, как цветы не замерзают на этих ледяных подоконниках.

– Пойдем, я тебе лимон покажу, – позвала Светка, – смотри, вот это дерево, мне Лена-медсестра сказала, из косточки вырастили. Прикинь? И оно теперь плодоносит,

на нем лимончики бывают! Ну, сейчас только нету, не сезон, наверное.

Они подошли к дверям чужой палаты, Светка приоткрыла одну створку, просунулась внутрь и обвела взглядом мужскую компанию больных: «Здрасьте всем!» Леля не стала заглядывать в мужскую палату, просто стояла рядом.

– А где у вас такой был ваш коллега, которому пункцию делали? Что-то не вижу его... В синей пижаме еще ходил.

– Николай, что ли? – отозвался мужской голос.

– Наверно, не знаю, как зовут.

– А его выписали сегодня.

– Да? Блин. Жалко! Ну, извините!

– А чего хотела-то? – поинтересовался голос.

Леля увидела, что к дверям мужской палаты приближается по коридору парень в красном спортивном костюме Adidas.

«Ни фига себе!» – подумала Леля. Она сразу узнала фирму по лампасам в три полоски и трилистничку на груди. У нее тоже могли быть шиповки Adidas, если бы она пошла в спортивный класс, там их всем выдали для тренировок, но мама была категорически против.

Среднего роста, крепко сбитый, с широкими покатыми плечами, парень двигался мягкой, пружинистой походкой, слегка покачиваясь при каждом шаге из стороны в сторону, словно пританцовывая. Выражение лица его при этом было довольно хмурым, а к распухшей переносице двумя полосками пластыря была приклеена толстая марлевая салфетка.

– Да про пункцию узнать! Ладно, ничего уже, – крикнула Светка и, высунув голову из палаты, стала закрывать дверь.

Парень подошел вплотную:

– Вы чего здесь?

Светка разом обернулась и разулыбалась:

– Привет, Зорик. Курить ходил?

– Ага, – ухмыльнулся парень, – а вы чего, к нам в гости?

– Да нет! У вас тут лежал один, хотела узнать про его процедуру, больно, нет. А то вот ей должны такую делать, пункцию. – И она кивнула в сторону Лели.

Парень глянул на Лелю. Его короткая челка, по-модному расчесанная на прямой пробор, с одной стороны лежала как надо, а с другой лихо топорщилась вверх. Под левым глазом виднелся бледный желто-фиолетовый синяк.

– Подруга твоя стоит уже синяя вся, – усмехнулся Зорик, обращаясь к Леле. – Окоченела тут?

Леля кивнула.

– Она даже вещи теплые с собой не взяла, – махнула на нее рукой Светка.

– Я же не знала, что в больнице будет такой дубак! Даже хуже, чем в школе у нас... – сказала Леля и прикусила язык – сейчас начнется: в каком ты классе и вся вот эта ерунда.

Но ничего не началось. Парень сказал только: «Здесь постойте» и зашел в палату.

– Бравенький, да? – подмигнула Светка.

– Ага, только что-то нос у него расквашенный.

– Так он спортсмен, вольной борьбой занимается.

Леля не успела ответить, как дверь открылась. Парень вышел в коридор и протянул ей трикотажный мужской свитер с полосками на груди:

– На, возьми пока.

Леля испуганно вытаращилась на него:

– Серьезно, что ли? Это ваш?

– Ну а чей? Возьми, он не колючий. А то окоченеешь совсем.

– Спасибо. Я отдам, когда мне вещи принесут. Завтра. – Леля взяла свитер и стала аккуратно складывать его, как будто собиралась положить в шкаф на полку.

– Отдашь, не вопрос, – пожал плечом парень.

– Зорик, курить пойдешь? – Светка склонила набок голове. – Пошли-и-и!

– Вредно курить. И обед уже скоро, – усмехнулся Зорик, закрывая за собой дверь.

По пути в свою палату Леля спросила:

– А что это за имя такое – Зорик? – Она несла аккуратно сложенный свитер в руках, не решаясь его надеть.

– Зоригто. Бурятское имя, не слышала, что ли?

– Слышала, но оно редкое довольно. А откуда ты всех знаешь? – удивилась Леля.

– Да я тут неделю уже голимую лежу! – всплеснула руками Светка. – Че тут не знать-то?

– Вы с ним курить ходите?

– Да нет, я его дразню просто. Он не курит, он же спортсмен.

– А ты сама-то куришь?

– Конечно! Если есть, – прищурила Светка здоровый глаз. Глаза у нее были карие, с медным отливом, и пушистые рыжие ресницы.

3

Обед в больнице оказался совсем даже не плохой. Горячий суп с вермишелью, тефтели с картофельным пюре, сладкий дымящийся чай с пряником. Леля натянула свитер Зорика поверх своего халата, подвернула рукава, в два раза сложила длинное горло и наконец согрелась. Свитер был мягкий, с пушистым ворсом и пах мужским одеколоном. Не таким, как у папы, незнакомым.

На посту Лелю остановила дежурная медсестра:

– Базарова? Сегодня в четыре приду за тобой на пункцию, чтоб в палате была.

После обеда в палате было тихо. Бабушка на кровати у окна дремала, дама интеллигентного вида шуршала газетой, Лелина соседка слева, та, что с маленьким ребенком, что-то вязала на спицах, а малыш спал, раскинув ручки. Голова его была забинтована, так что виднелось только безмятежное личико с румяными ото сна щеками. Светка тоже легла и взяла книжку, но уже через пару минут Леля увидела, что она спит.

Леле совсем не спалось. Она не ожидала, что это будет прямо сегодня. Жуткая эта пункция. Но, с другой стороны, что тянуть? Ее же для этого сюда и положили. Леля повернулась на бок, так что прямо перед глазами оказалась тумбочка. Она стала смотреть, не ползет ли там вдруг какой-нибудь таракан, и не заметила, как уснула.

– Базарова, Ольга, – услышала Леля и открыла глаза. Над ней нависал белый халат медсестры. – Вставай, в операционную, четыре уже без пяти.

Операционная находилась на другом конце отделения, так что по дороге она окончательно проснулась. Медсестра открыла дверь, подтолкнула Лелю вперед, положила на край стола ее худенькую историю и сказала: «Забирайте».

Историю забрала уже другая, молоденькая медсестра и отнесла ее в глубь комнаты, за стол, где сидел врач. Вообще, комната не была похожа на операционную из кино. Не было стола, куда кладут больного, и не было над ним огромной хирургической лампы, похожей на летающую тарелку. У стен стояли насквозь прозрачные стеклянные шкафчики с какими-то склянками. За окном уже темнело, в комнате было сумрачно и зябко. Александр Цыренович поднял на Лелю глаза, улыбнулся:

– Как ты тут, освоилась уже немного?

– Да, все хорошо.

– Ну, садись вот сюда. – Он показал на стоявший у стены самый обычный стул с металлическими подлокотниками. – Первый раз на такую процедуру?

Леля кивнула. Ей становилось не по себе. Медсестра взяла со стола с инструментами длинную, скрученную из нескольких проволок палку, похожую на вязальную спицу, только гибкую. На ее конце был намотан ватный валик. Медсестра сунула спицу с валиком в какую-то склянку.

– Мама говорила, ты плаваньем занимаешься? – спросил Александр Цыренович, двигая свой стул ближе к Леле и подсаживаясь к ней лицом к лицу.

– Да, я недавно начала.

– В большом бассейне, на Бабушкина?

– Да, там... – Леля испуганно следила глазами за медсестрой.

– Отличный бассейн, олимпийский! Марин, давай, – глядя на Лелю, сказал доктор.

Леля ничего не успела сообразить, как длинная гибкая спица с ватой на конце оказалась у нее в носу, и не просто в носу, а где-то так глубоко в голове, что Леля в ужасе дернулась назад. Но уперлась затылком в стену, к которой предусмотрительно был придвинут ее стул.

– Ну-ну, сиди спокойненько, моя хорошая, не больно же?

Больно действительно не было. Просто внезапно ощутить где-то там, внутри собственной головы, инородный предмет оказалось очень жутко. Вытаращив глаза на торчащую из ее носа спицу, Леля кивнула.

– Ну и посиди так немножко. С вышки прыгала? Там же вышки есть. Сколько самая высокая? Десять метров? С нее прыгала? Нет еще? А с какой самой высокой? С пяти?

Леля кивала головой «да» и «нет», хотя, в общем-то, ей ничего не мешало говорить. Спица торчала в носу, но шевелить ртом и вообще лицом было страшно.

– Марин, давай.

Доктор ловким движением фокусника извлек из Лелиного носа спицу и, к ее изумлению, мгновенно вставил туда точно такую же другую.

– Молодчина! Еще немножко посидим.

Со второй спицей было уже не так страшно, и Леля, кажется, не почувствовала ее глубоко внутри головы.

Когда доктор извлек очередную спицу и повернулся на своем вертящемся стуле, Леля с облегчением вздохнула:

– Все, можно идти?

– Ага, куда это ты собралась? – сверкнув веселыми искорками, лукаво стрельнула в нее глазами медсестра.

– Нет, моя хорошая, подожди еще, – сказал, сидя к ней вполоборота, Александр Цыренович. Голос у него был негромкий, спокойный. – Это мы с тобой еще только заморозились. Сейчас сделаем промывание, но ты уже ничего и не почувствуешь.

Тем временем в руках у медсестры Марины появился шприц. Это был не тот шприц, каким Лелиному классу ставили прививки в плечо. И не тот, которым ставили уколы бабушке, когда у нее был гипертонический криз и пришлось вызывать карету скорой помощи. Это был гигантский шприц, каких не должно быть в реальной жизни! Это был шприц из комедии «Кавказская пленница», которым ставили укол толстяку из троицы разбойников, Моргунову! В шприце плескалась желтая жидкость. А иголка была длинная и очень толстая, почти как стержень от фломастера. В мгновение ока шприц оказался у доктора в руках, он встал, чуть запрокинул Лелину голову, ввел иголку все в ту же многострадальную ноздрю и, придерживая Лелю за затылок, с силой надавил. Вну-

три Лелиной головы, где-то возле мозгов, раздался тошнотворный хруст, и тогда доктор отпустил ее затылок.

– Это что? – боясь пошевелиться, незнакомым, глухим голосом спросила Леля.

– Это мы вошли в гайморову пазуху, – отозвался Александр Цыренович. – Она ведь закрыта стеночкой, а нам нужно попасть внутрь, чтобы все там промыть и навести порядок. Больно тебе?

– Нет, – честно ответила Леля, потому что больно действительно не было. Было жутко.

– Умница. Сейчас не болтаем больше и открываем рот.

Медсестра Марина сунула под Лелин подбородок белое эмалированное судно, и доктор надавил на поршень шприца. Леле показалось, что желтый фурацилиновый раствор полился у нее отовсюду сразу – из носа, изо рта и даже из ушей. Ей казалось, что она сейчас захлебнется, но это только казалось. Оставив толстую иглу торчать в пазухе, Александр Цыренович сменил пустой шприц на полный.

– И еще немного. Ты молодец, настоящая спортсменка, умница!

Когда все было позади, с ватным тампоном в носу и в сопровождении медсестры Марины Леля вышла в коридор.

– Пойдем провожу. Голова не кружится? Полдник тебе оставили, в палату отнесли, там булочка с кефиром. Сможешь – поешь. К ужину все уже забудешь, – приговаривала она. – Тебе повезло, что Александр Цыренович сегодня дежурит, у него рука легкая.

Леля и не думала плакать, но, добравшись до своей кровати, она легла на бок, свернулась комочком и почувствовала, как по щеке сбежала горячая слезинка и подушка у виска стала мокрой.

Сонная и тихая в дневные часы, к вечеру седьмая палата внезапно ожила. Бабушка Евдокия Кирилловна, кряхтя, поднялась с кровати и пошла «расхаживаться» по коридору. Две женщины средних лет, имен которых Леля еще не знала, взялись обсуждать Андропова, недавно сменившего на посту Леонида Ильича, и его «карательные» меры против прогульщиков.

– Днем с работы не выйти, если надо в магазин или по каким-то делам, – сокрушалась одна. – Вон мою сотрудницу из проектного остановили днем в универмаге. Она насилу доказала, что у нее обеденный перерыв позже, чем у других. График работы смещенный. А так вообще – выговор с занесением, и привет.

– Ну, может, оно и хорошо, – рассуждала другая, – а то тунейдцев развелось, знаете. А пьянства сколько? У нас вот на заводе мало кто до конца смены трезвый. А что там уже за работа, когда глаза залил? Может, и пора уже порядок наводить.

Лелина соседка слева подхватила на руки своего малыша и взялась ходить с ним по палате. А потом спустила его на пол, и он пошел, держась за ее пальцы, смешными маленькими ножками.

– А кто это у нас такой хорошенький! – улыбнулась Леля.

– А это девочка у нас! – не разгибая спины и лишь неудобно приподняв голову, ответила женщина.

Малышку с удивленными бровками звали Аюна. Ее мама, круглолицая, румяная Баирма, согнувшись в поясице и широко расставив крепкие ноги с поджарыми икрами, шла, вторя шажочкам Аюны. Свои жесткие, как конская грива, длинные волосы она закручивала на макушке в большую шишку. Красная вязаная кофта обтягивала полные, округлые плечи.

Их привезли в республиканскую больницу из маленькой деревни из-под Кяхты. У Аюны был жуткий отит, который сначала никак не могли нормально диагностировать, потом не могли вылечить и запустили до гнойного абсцесса. В больнице малышке сразу же сделали операцию, и вся голова у нее теперь была забинтована.

«Ухо бинтовать такому маленькому ребенку бесполезно, повязка мигом слезет», – объяснила Светка.

Детской кровати в палате не было, и матери с ребенком полагалось как-то уместиться на одной взрослой. Когда малышка засыпала, Баирма сидела на краешке с вязанием или протискивалась к стенке и лежала на боку, прижавшись к холодной штукатурке спиной и боясь пошевелиться. У Лели почему-то крутилось сравнение «как в поезде». Баирма не спала толком ни одной ночи с тех пор, как заболела дочка. Аюна кричала от боли, почти ничего не ела, температура понималась за сорок. Когда их наконец привезли в Улан-Удэ, состояние малышки было тяжелым, она могла умереть. Теперь операция была позади, девочка шла на поправку, и Баирма, измученная бессонными ночами и страхом потерять ребенка, по большей части находилась в какой-то прострации. Порой она откладывала вязание и в задумчивости сидела рядом со спящей Аюной, глядя в одну точку, как будто спала с открытыми глазами. Но стоило Аюне пошевелиться или издать малейший звук, мать мгновенно склонялась над ней, тревожно заглядывая в детское личико. Дома у нее остались трое сыновей – трех, восьми и одиннадцати лет.

– Старшие-то водятся с сестренкой? – спросила Светка, глядя, как уверенно топают Аюна маленькими ножками в вязаных пинетках.

– Ой, да кто бы с ними водился! – отозвалась Баирма. – Отвернешься – уже у них куча мала. Ну хотя средний, Чин-

гиз, тот водится. Он такой у нас, заботливый. – Баирма подхватила Аюну на руки.

– Да они ее все втроем в обиду не дадут, младшую сестренку. Повезло тебе, Аюша, да?

– А с кем сейчас мальчишки? – поинтересовалась Тамара Александровна, элегантная пожилая дама с кровати у окна. – Кто за ними смотрит, раз они у вас такие шепутные?

– Ну, те с отцом и с родителями нашими, там нормально все будет. – Баирма уверенно махнула рукой куда-то вдаль, словно отгоняя от себя тревожные мысли о доме и сыновьях, которые уже не в силах была вынести.

– Надо бы чайку выпить, – не обращая ни к кому конкретно и ко всем сразу, заметила Тамара Александровна.

Она достала из тумбочки стеклянную банку и маленький кипятильник. Пользоваться в палате электроприборами было запрещено, но медперсонал прекрасно знал, что больные греются чаем в своих выстуженных палатах. Женщины подтянулись к столу, разлили по чашкам ароматную заварку со смородиновым листом, который имелся у кого-то в запасах, открыли банки с вареньем, развязали мешочки с печеньем и пряниками. Все угощали друг друга, все на столе было общим. Леля чувствовала себя спокойно и уютно среди этих женщин, о которых ничего не знала еще сегодня утром. Все это напоминало ей поезд дальнего следования, в котором она однажды ехала с бабушкой целую неделю от Улан-Удэ до самой Москвы. Леле нравилось наблюдать, как люди, еще вчера совершенно чужие друг другу, оказавшись рядом, внезапно становились близкими и почти родными. Делились друг с другом едой, если надо, то и лекарствами и, конечно, своими историями и даже секретами. А потом прощались, как будто увидятся завтра снова, и не виделись уже больше никогда в жизни...

Когда дежурная медсестра заглянула в палату и сказала: «Выключаем свет, через пять минут отбой», Леля вспомнила, что так и не позвонила домой. Так и не сказала маме, что нужно принести теплые вещи. И хорошо бы еще – баночку варенья.

– Ничего, завтра скажешь. Пока в Зорикином свитере походишь, плохо тебе, что ли? – подмигнула Светка. – Пойдем умываться.

Куда идти, Леля уже знала. В самом конце отделения длинный широкий коридор поворачивал налево узеньким аппендиксом, где находились двери с намалеванными на них зеленой краской корявыми буквами «М» и «Ж». За дверью с буквой «Ж» располагалась умывальная комната с огромным окном, стекла которого были до половины закрашены белой масляной краской. Щербатая рыжая плитка на полу местами отклеилась и с противным скрежетом елозила под ногами. Вдоль стены красовались четыре жестяные раковины, над каждой висело небольшое прямоугольное зеркало, в котором отражались истошно-зеленые стены. Еще днем по пути сюда Леля с тоской подумала, что обнаружит тут напольные унитазы, над которыми надо висеть на корточках, как в лесу. Такие были у них в школе, и Леля их терпеть не могла. Но в больнице, к счастью, унитазы оказались нормальные. Правда, без пластиковых стульчаков, но зато каждый в своей кабинке с дверью! В школе у них не то что кабинок, не было даже низеньких перегородок, и девчонки на переменах пристраивались над отверстиями рядком, как куры на насесте.

– Пойдем, я тебе курилку покажу, – позвала Светка.

В тупичке узкого коридора-аппендикса, оказывается, была еще одна дверь, которая вела на подсобную лестницу. Вообще-то эта дверь запиралась на замок, но по большей части почему-то оставалась открытой: можно

было потихоньку выскользнуть на лестничную клетку и покурить, бросив бычок в стеклянную банку.

– Выходи, не бойся, будешь курить?

Леля вышла за Светкой на темную прокуренную лестничную площадку. Лампочка светила где-то этажом выше. Вообще Леле нравилось такое хулиганство, она уже умела курить взятку и не кашлять. Они не раз таскали сигареты у Иришкиной мамы, у которой в верхней секции стенки лежали целые блоки Pall Mall и Marlboro, а початые пачки валялись по всей квартире. Они курили под открытой форточкой на кухне, когда никого не было дома, а мама, вернувшись вечером, не замечала ни запаха, ни пропавших из пачки сигарет. Ей всегда было не до того. Очень красивая и всегда одетая по последнему писку моды, как может позволить себе только работник торговли, она развелась уже с двумя мужьями и снова строила личную жизнь. Лелю ужасно мутило от каждой затяжки, но азарт запретного, взрослого удовольствия был сильнее тошноты и «карусели» перед глазами. Тем более что с каждым разом мутило все меньше. Леля уже было сказала Светке «давай», но вдруг почувствовала, как у нее заныла прооперированная гайморова пазуха. На лестнице было невыносимо холодно, и Леля попятилась назад:

– Нет, слушай, тут дубак, как на улице!

– Ну а че делать-то, вариантов нету, – резонно заметила Светка.

– Я тебя там подожду, – прижав ладошку к лицу, сказала Леля, – а то застужу все на фиг.

– Ладно, я быстро!

Леля вернулась в темный коридор и увидела, что дверь мужской умывалки распахнута настежь. Оттуда лился яркий свет, раздавался плеск воды и резкое, отрывистое фырканье, как будто там купали коня. Леля сде-

лала еще пару шагов. Согнувшись над раковиной, голый по пояс, там умывался Зоригто. Он, отчаянно кряхтя, плескал пригоршни воды себе на шею, спину и плечи. Вода стекала по выпуклым мышцам и собиралась в ложбинке вдоль позвоночника, убегая дальше вниз. Резинка его красных адидасовских штанов намочила и потемнела. Зорик выпрямился, снял с крючка у раковины белое вафельное полотенце и, перехватив его другой рукой сзади наискосок, стал вытирать спину. Его бицепсы и трапеции ходили ходуном под смуглой чистой кожей, а в подмышке торчал кустик черных волос. На мгновение Лелю словно обожгло током – ей показалось, что Зорик увидел ее в зеркало. Она отпрянула назад и, в ужасе метнувшись к соседней двери, заскочила в женский туалет. Сердце бухнуло прямо в ушах, и от внезапного жгучего стыда у нее чуть не выступили слезы.

«Блин! Я вообще не собиралась подглядывать! И нечего было открывать настежь дверь. На то она и дверь, чтоб закрывать ее за собой. Козел!»

Леля заглянула в ближайшее зеркало и увидела свои большие, округлившиеся в панике глаза. Она посмотрела на себя еще несколько секунд, и ей стало смешно. Леля наклонилась поближе к зеркалу, с удовольствием отметила, что на лбу нет никаких прыщей, выпрямилась, поправила высокий хвост на макушке, потуже завязала на талии поясок халата, услышала, как открылась дверь с лестницы, и, выдохнув, вышла навстречу Светке. Зорика в умывалке уже не было.

5

Наутро Леля проснулась оттого, что в палату вошли сразу две медсестры и доктор, Александр Цыренович. Сначала она вообще не поняла, где находится, но тут же

вспомнила весь вчерашний день и как они, лежа рядышком, шептались перед сном со Светкой. И что никто не делал им замечаний, потому что в сравнении с храпом Евдокии Кирилловны и плачем Аюны их болтовня была сущей ерундой.

– Что-то случилось? – спросила она свою восседавшую на уже застеленной кровати и вполне бодрую подружку.

– Ничего не случилось, это же обход! Всегда так по утрам, – доплетая рыжую косу, отозвалась Светка.

Делегация в белых халатах подходила к каждой кровати, Александр Цыренович задавал женщинам вопросы, что-то говорил сестрам, они записывали.

– А меня когда выписывать? – спросила Светка, после того как врач наклонился, отклеил пластырь от Светкиного виска и, взяв ее голову обеими руками, повертел туда-сюда, рассматривая глаз.

– Скоро-скоро, ты не торопись. Что тебе не лежит-ся-то? Вон подружка у тебя появилась, – улыбнулся он Леле. Затем подошел к ней: – Оля, рассказывай, как себя чувствуешь? Кровь носом не шла? Голова не болит? Чихать не больно?

– Да я не чихаю, – только и нашлась Леля. – Ничего не болит.

– У нас тут одни здоровые лежат, ничего у них не болит, – повернулся Александр Цыренович к медсестре. – На послезавтра повторную процедуру ей запиши. И кислородный коктейль обязательно. Покажешь ей, где брать, – обратился он уже к Светке. – Ты же на кислород ходишь?

– Конечно! – Светка кивнула.

За «кислородом» отправились сразу после завтрака. Манную кашу Леля есть не смогла – рвотный рефлекс срабатывал безотказно. Так что пришлось довольствоваться вареным яйцом с кусочком серого хлеба и сладким чаем с печенюшкой. Краем глаза Леля видела Зорика – он си-

дел за столом в дальнем углу с мужчинами из своей палаты и не обратил на нее никакого внимания.

– Нам на третий этаж надо подняться, – сказала Светка.

Они вышли из дверей своего отделения и оказались на парадной лестнице. Широкий пролет сменялся двумя узкими справа и слева, а потом снова соединялся в один широкий. Крутые гранитные ступеньки были влажными после уборки и оказались гораздо выше, чем у Лели в подъезде. Она даже запыхалась, пока поднималась.

– Это кардиология, – сказала Светка, добравшись до третьего этажа, – тут сердечники лежат. – Она толкнула дверь отделения. – А нам вот сюда, прям рядом со входом.

Девчонки вошли в уютный кабинет, который, можно сказать, утопал в зелени. С настенных кашпо свисали вьющиеся стебли, на полу стояли кадки с фикусами и чем-то похожим на пальмы. Леля с нежностью относилась к домашним растениям, но не знала ни одного названия, кроме кактуса, и просто глазела по сторонам. Вдоль стены стояли стулья, где нужно было ждать своей очереди. На «кислород» приходили больные из разных отделений, а готовила коктейль медсестра в белом халате. На столе у нее стояла штуковина, похожая на здоровенную непрозрачную колбу, из нее торчала длинная резиновая трубка. В колбе шло какое-то бурление, а из трубки в стакан наливалась белая пена.

Леля уселась на свободный стул и стала разглядывать очередную написанную от руки стенгазету под названием «В движение – жизнь». На ней были изображены цветными карандашами здоровенные легкие, а столбец текста украшали вырезанные из какого-то журнала картинки с бегущими по морозу лыжниками. Из композиции явно следовало, что для легких полезен лыжный спорт и свежий воздух.

Лелю по выходным брал с собой на лыжную пробежку папа. Поначалу она гналась за ним как могла, и казалось, что сердце вот-вот выскочит у нее вместе с легкими. Лыжи не хотели лететь вперед, а вместо этого то и дело проскальзывали назад. Палки тоже бестолково болтались в руках и норовили соскользнуть вместе с варежками. Но со временем лыжи перестали ехать назад и у Лели стал получаться толчок, почти как у папы. Руки тоже встали на место, четко подхватывая ритм «правая нога – левая рука», как показывал папа. Леля полюбила эти лыжные походы. Сначала они с папой смотрели на градусник за окном, подбирали подходящую к температуре воздуха лыжную мазь. Обычно шла зеленая или синяя, а в морозы посильнее – черная. Потом надевали свитера, куртки, лыжные ботинки с выступами для креплений и шли на речку Уду, которая уже с ноября стояла подо льдом. По чистому снегу вдаль убегала ровная накатанная лыжня. Леле нравилось, что папина спина уже не превращается в неразличимую точку и не исчезает из виду, как раньше, и что она все время видит его, значит, держит темп. Папа никогда не хвалил ее, но, когда они возвращались домой, по его веселому взгляду, по голосу было понятно, что он доволен и лыжами, и дочкой. А черные папины усы и борода были совершенно белыми – все в инее и в крупных, как хрустальные бусины, блестящих сосульках...

Кислородный коктейль оказался чуть сладковатой пеной с легкой кислинкой. Есть ее было весело и удивительно. Как будто тебе в стакан набрали пены из ванны и оказалось, что она – полезная! Леля очень любила, когда бабушка в детстве делала ей ванну с большими клубами белой пены. Пена получалась из специального шампуня под названием «Бадусан». Он был ярко-зеленого цвета, и когда бабушка наливала его в крышечку от бутылки

и подставляла под струю воды, чтобы пенные облака были пышнее, Леля, стоя в ванне, визжала: «Зеленка! Зеленка!» – поджимала ноги и делала вид, что боится, как будто зеленка будет жечь. И обе они смеялись.

6

Больничная жизнь оказалась удивительной. Процедура было совсем немного – обход, кислород, физиокабинет, таблетки и уколы. Уколов Леля не боялась совсем. Точнее, боялась, конечно, но вела себя так, как будто ей все равно. Главный фокус был в том, чтобы перед самым уколом не напрягать мышцы от страха, тогда и правда получалось не так уж больно, а Леля чувствовала себя героем. В остальном же заняться было нечем – выпав из круговорота школы, музыкалки, тренировок в бассейне, каждодневного часового минимума на пианино и домашних дел вроде мытья посуды, Леля оказалась в удивительном пространстве, где можно ничего не делать и тебе за это ничего не будет. Вот так, посреди бела дня, можно взять и открыть художественную книжку не по программе. Или вообще вдруг начать вязать! Но обстановка оказалась еще бесшабашнее – днем, после обеда, Светка достала карты:

– Будешь в дурака?

Сдали, сидя по-турецки на своих кроватях. Но тут Тамара Александровна, соседка со стороны Светкиной кровати, предложила сыграть на троих. Втроем, конечно, было веселее – пересели за стол. Тамару Александровну Леля сразу заметила по стильным очкам, у которых не было оправы, а стеклышки крепились наверху крошечными винтиками к тоненькой золотой дужке. Свои пышные от природы волосы она красила в каштановый с красным отливом цвет «махакон», носила поверх черного свитера оливковый шелковый халат и читала сборник Жоржа Сименона

«И все-таки орешник зеленеет», закладывая страницы красивой покупной закладкой с гладиолусами. Леля знала это издание в уютном сером переплете: точно такое же стояло у них дома на полке в одном из книжных стеллажей. Дома у Лели была огромная библиотека, и маленькой она любила подолгу рассматривать корешки взрослых, еще не прочитанных книг. Андре Моруа, Жорж Санд, Анри Мальро, Гюстав Флобер, Томас Манн, Джон Голсуорси, Джон Стейнбек... Закрыв глаза, Леля могла наизусть вспомнить так, по корешкам, несколько полок. Тамара Александровна преподавала русский язык в пединституте и при этом оказалась веселой и заводной картежницей. Лихо отбиваясь, она сыпала прибаутками: «В картишки нет братишки», «Два валета и вот это» и даже «Бубей – хоть хреном бей». Леля только диву давалась.

Светка играла азартно, пыталась мухлевать, Тамара Александровна неизменно ее ловила с возгласом «Куда-а-а-а!», и Светка смеялась: «Ой, ладно, ладно, я с одним глазом, не заметила!» Леля оставалась в дураках без обид и легко об этом забывала, ей куда больше нравился сам процесс.

– Эх, девчонки, умели б вы пульку расписывать, вот было б дело, – тасуя карты, вздохнула Тамара Александровна.

– А вы нас научите! – тут же отозвалась Светка.

Но Тамара Александровна только улыбнулась:

– Преферанс – это не просто карты. Это битва интеллектов, целое искусство. И потом, в преферанс быстро не сыграешь, бывает, что и до утра сидишь.

– О, это я знаю, у меня папа играет, – сказала Леля. – Иногда у нас расписывают, а иногда сам под утро приходит.

– Папа? – оживилась Тамара Александровна. – И чем у нас папа занимается?

– Диссертацию пишет.

– И в какой же области науки, если не секрет?

– Литературоведение.

– Ах, ну тогда все понятно! – запрокинув голову и возведя глаза к потолку, рассмеялась Тамара Александровна. – Филолог, коллега! Московский государственный, смею предположить?

– Нет, они с мамой учились в Ленинграде.

– А вы в Москве учились? – вставила Светка, с интересом следившая за разговором.

– Нет, – сделав театральный жест рукой, словно отказывая неугодному поклоннику, произнесла Тамара Александровна, – мы с мужем учились в Тарту.

Было видно, что разговор, неожиданно принявший такой оборот, ей приятен и интересен и она бы с радостью пустилась в воспоминания о студенческих временах, но Тамара Александровна вдруг сменила тему:

– А давайте я вам лучше погадаю? Хотите?

– А вы умеете? – подскочила на стуле Леля. Ей никто никогда не гадал.

– Хотим, конечно! – подхватила Светка. – Этими картами разве можно?

– Можно, если на них кто-нибудь нецелованный посидит, – хитро глянула на девчонок Тамара Александровна. – Кто может?

– О, я уже никак, – загадочно вздохнула Светка, и в ее голосе не слышалось никакого сожаления.

– Я могу, – сказала Леля.

Конечно, это было немного неловко, но Светка-то знала, что ей всего тринадцать. Так что ничего такого, и Леля решительно сунула карты себе под попу.

Повертев в руках «расколдованную» колоду, Тамара Александровна начала удивительное действо. Карты ложились на стол то веером, то ярусами по три, то кучками, то парами и снова веером.

«Для себя, для дома, для сердца, чем дело кончится, чем сердце успокоится», – приговаривала Тамара Александровна, раскладывая разные фигуры.

Карты летали рубашками вверх, но, разложив очередную комбинацию, гадалка переворачивала их друг за другом и принималась рассказывать таинственную историю со слезами и письмами, казенным домом, дальней дорогой и разномастными дамами и королями. Пока гадали Светке, Леля сидела как зачарованная, ничего толком не понимая. Уловила только, что у какого-то Светкиного короля дальняя дорога и сердце ее в скором времени успокоится письмом.

«Да каким письмом, он уже дембель ждет со дня на день! Сам пусть едет!» – оживленно комментировала Светка.

Но когда очередь дошла до Лели, она стала изо всех сил вникать в смысл сказанного. Во-первых, Леля оказалась бубновой дамой, потому что юные девушки не бывают темной масти, хоть она и брюнетка с карими глазами.

«На самом деле ты темная шатенка, дорогая моя, – авторитетно сказала Тамара Александровна. – Так что, возможно, бубновой и останешься».

Во-вторых, Леля разобралась, что казенным домом может называться школа, тюрьма, работа, пионерский лагерь или вот даже эта больница – самый что ни на есть казенный дом!

– А в казенном доме интерес к тебе, дорогая, у какого-то крестового короля, – сообщила гадалка. – Кто-то на тебя, наверное, в школе заглядывается? Или тут – ты посмотри вокруг повнимательнее.

– Да какие тут короли, – смущенно отмахнулась Леля, – Александр Цыренович только.

Светка посмотрела на нее лукаво своим незаклеенным глазом.

– Ага-ага, а в чьем свитере второй день греешься, не считается, что ли?

– Ну точно, свитер-то королевский! – еще больше смутившись, засмеялась Леля. Все это гадание было, конечно, несерьезной забавой, но все равно волновало и тревожило, и, представляя себе интерес каких-то неизвестных королей, Леля чувствовала, как что-то легонько сжимается у нее в солнечном сплетении, как накануне контрольной или экзамена по музыке.

– Полянская, к вам пришли, – заглянула в палату медсестра.

– Ну вот и мой король, похоже, пожаловал, – собирая карты, улыбнулась Тамара Александровна. – Пойду проведу, как там у него дела.

– Пойдем тоже посмотрим, может, кому передачи принесли, – предложила Светка. – Приемные же часы.

7

В холодном вестибюле стоял гул голосов. Посетители по большей части оставались в верхней одежде, сняв разве что шапки, а больные набрасывали шали и платки поверх халатов и спортивных костюмов. Одна молодая хрупкая женщина сидела на коленях у пришедшего навестить ее мужчины, он кутал ее в полы своей дубленки, а она болтала ногами в теплых рейтузах и вязаных носках. К пожилому мужчине пришла дочь с маленькой девочкой, очевидно внучкой. Наверное, заскочила за ней в садик по пути с работы, иначе в больницу никак не успеть. Муж Тамары Александровны оказался высоким и статным мужчиной в сером пальто с каракулевым воротником и в высокой каракулевой шапке. В таких обычно стояли на трибуне над Мавзолеем члены ЦК партии в телевизоре. Полянским не хватило свободных стульев,

и они отошли подальше от дверей. Тамара Александровна встала, привалившись плечом к стене, и принялась что-то рассказывать мужу, поправляя его шарф, а он, чуть склонившись, заботливо смотрел ей в глаза, кивал и время от времени гладил ее плечо.

– Кому-то надо передачу отнести? – обращаясь ко всем сразу, звонким голосом спросила Светка.

Несколько фигур зашевелились: «Мне, пожалуйста, передайте вот тут, в сумке, в пульмонологию, вторая палата! Только сумку можно потом назад принести?» – «А мне из лора позовите, из третьей, Вострякова!»

Порядки в больнице были строгие, как и полагается. Вечером, с четырех до половины седьмого, то есть между тихим часом и ужином, родственники могли навещать больных. В большом вестибюле, сразу у главного входа, вдоль стен стояли ряды свинченных между собой фанерных кресел с откидными сиденьями, как в кинотеатре. Больные выходили к посетителям сами, хотя от поминутно хлопавшей входной двери сильно тянуло холодом. А вот пройти в палату к лежащему больному было непросто. Пропускали только близких родственников, по одному и при условии, что у них есть белый медицинский халат и сменная обувь, а женщинам полагалась еще и обязательная косынка на голову. Обувь и косынка были делом нехитрым, но взять белый халат было решительно негде – в магазинах они не продавались. Оставалось искать знакомых врачей и просить ненужный халат у них. Или искать таких знакомых, у которых уже был в семье тяжелобольной и они как-то проблему халата решили. Если ни тот, ни другой вариант не получался, халат можно было позаимствовать прямо в гардеробе больницы, но их там было всего два или три, а посетителей много. И порой, просидев в очереди за халатом до конца приемных часов, родственники просто оставляли передачи,

так и не увидевшись с теми, кого пришли навестить. Хотя «просто оставить» передачи тоже было нельзя. Их нужно было с кем-то передать.

Леле сразу нашлось поручение, и лучшего занятия она и представить себе не могла: это же так здорово, когда можно помочь! Ее пропускали в любое отделение, в любую палату, потому что она несла передачу или важное сообщение, что к такому-то пришли. Прямо дипломатическая миссия.

Вернувшись с очередного «задания», Леля вдруг увидела в вестибюле свою маму. В черном пальто с белым норковым воротником и в черной каракулевой шапочке с такой же норковой отделкой, она стояла, заметная, яркая, с покрасневшимися от мороза щеками, и озиралась по сторонам, пытаясь понять, как быть дальше и как вызвать сюда Лелю. Увидев дочь, мама изумленно расставила руки в стороны:

– О! А как это ты сама сюда выскочила?

Леля подбежала к ней, поцеловала в щеку:

– Привет! Ну, у нас здесь миссия.

– Какая еще миссия? А это что на тебе? – мама указала на мужской свитер с полосками на груди.

– А это мне один парень одолжил, пока мне теплые вещи не принесут.

– Что за парень?

– Лежит тоже в нашем отделении.

Леля хотела рассказать маме все-превсе, что с ней здесь происходило за эти сутки, но маму в первую очередь интересовало ее здоровье и пункция.

– Тебе сделали эту ужасную процедуру?

– Сделали. Мам, вот ты знаешь, где находятся гайморовы пазухи?

– Ну как где? Вот здесь, – чувствуя подвох, с нажимом ответила мама, показывая место рядом с носом.

– Вот и я так думала! А они находятся в самом центре головы! Как косточки в яблоке – в самой середине! И вот представь, туда, в голову, засовывают сначала длинную проволоку, а потом толстую иголку с вот таким огромным шприцом! И там, внутри, в голове, у тебя что-то хрустит. А потом...

– Ужас какой! Это больно?

– Да не больно, не в этом дело! Замораживают сначала. Но это жутко, мам!

– Бедный ребенок!

Лелина мама была человеком эмоциональным, поэтому все чувства сразу же отражались на ее лице, и сейчас его исказила гримаса неподдельного ужаса и сострадания.

– Ну, такое лечение, доченька, ничего не поделаешь.

Но Лелина мама была человеком собранным и дисциплинированным, поэтому, выразив ужас, она перешла к следующему пункту:

– Скажи, как вас здесь кормят?

Мама принесла теплую водолазку, которую можно было носить под халат, и любимый Лелин спортивный костюм с белыми полосками на вороте и манжетах. Не «Адидас», конечно, но все равно клевый. А из лакомств принесла рулет с маком, который испекла бабушка. Приемные часы подходили к концу, и посетителей в вестибюле становилось все меньше.

– Лелечка, лечись, доченька, слушайся врачей и не носись по больнице, – наказала на прощание мама.

Когда дверь за ней закрылась, Леля в задумчивости постояла еще немного и уже собралась идти к себе в палату, как вдруг за руку ее тронула полная немолодая женщина лет пятидесяти в синем пальто с цигейковым воротником и в сером пуховом платке:

– Девушка, а мне в кардиологию можете передать?

Она только что вошла, разминувшись в дверях с Лелиной мамой и впустив в вестибюль новую порцию морозного воздуха. У женщины был крупный вздернутый нос, отчего ее лицо казалось задорным, но светлые, словно выцветшие, голубые глаза под набрякшими веками смотрели печально и тревожно. Из-под платка выбились светлые пряди, а над верхней губой блестели мелкие капельки пота. До конца приемных часов оставалось всего несколько минут, очевидно, женщина очень торопилась, чтобы успеть.

– В кардиологию, на третий этаж. Дымову Андрею в пятую палату передайте, пожалуйста! – Женщина протянула Леле холщовую сумку, бока которой топорщились округлостями невидимых яблок, ребрами твердых пачек печенья и гладким силуэтом стеклянной банки.

– Да, я знаю, где это. Давайте передам. Вам сумку принести обратно?

– Да, спасибо, – кивнула женщина. Она быстро оглянулась, потом, не сводя глаз с Лели, одной рукой нащупала позади себя сиденье и, откинув его, грузно уселась в фанерное кресло. – Я тут посижу, подожду.

– Тогда пусть вот это рядом с вами пока постоит, – пристроила рядом с женщиной свой пакет Леля и через ступеньку помчалась вверх по крутой лестнице так, что ее несчастная гайморова пазуха заняла и внезапно заболела голова. Холщовая сумка оказалась довольно тяжелой, и Леля сбавила ход.

– Я к Дымову, – сказала она, запыхавшись, постовой медсестре, – вот, передачу несусь.

– Давай быстренько, – подбодрила медсестра.

Постучавшись, Леля открыла дверь пятой палаты. Она не была такой огромной, как их восьмиместная седьмая. Здесь стояло только две кровати, и Леля сразу поняла, кто ей нужен. Тут и спрашивать было нечего. На кроватях

ти справа от двери, подсунув под спину подушку, сидел парнишка и, положив на согнутые колени альбом, что-то в нем рисовал. Светлая волнистая челка косо падала на лоб, а крупный вздернутый нос был точно таким же задорным, как у матери.

– Это вам, наверное, передача? – просунувшись в дверь, все же спросила Леля. – Вы Дымов? Андрей?

Парнишка поднял на нее светло-голубые грустные мамины глаза:

– Да, я. – Он отложил альбом, откинул одеяло и спустил босые ноги с кровати, но не успел встать – Леля уже поставила передачу на его тумбочку.

– Там ваша мама внизу ждет, я обещала ей сумку обратно принести. Выгрузите все, ладно?

Парнишка, не вставая с кровати, пересел поближе к тумбочке.

– Да, сейчас.

Леля с удивлением заметила, что двигается он неторопливо, как дедушка, а на его тумбочке стоит граненый стакан с остро заточенными простыми карандашами. Выгружать продукты сидя было неудобно, но парнишка почему-то не вставал. Не спеша выложил на тумбочку мешок с галетами и пряниками. Осторожно вынул и поставил рядом банку с малиновым вареньем. Достал пачку вафель. На самом дне сумки и правда лежали яблоки. Парнишка начал неловко выкладывать их по одному, и пара яблок, соскочив с тумбочки, покатились по полу – одно к окошку, а другое напрямик в сторону соседней койки, на которой кто-то дремал, отвернувшись к стенке и выставив из-под одеяла бледное плечо в майке-алкоголичке. Леля метнулась вперед и вбок, ловко ухватила одно яблоко и, не вставая с корточек, повернулась, вытянула руку и схватила другое. Парнишка улыбнулся:

– Ты прям как Гретцки.

– В смысле? – растерялась Леля.

– Ну, хоккей не смотришь, что ли? Форвард, Уэйн Гретцки, очень быстрый, молния.

– А-а-а-а, – протянула Леля, – точно! Хоккей у нас папа смотрит. Помыть?

– Да нет, я сам потом помою. – Он протянул ей пустую сумку. – Скажи маме, что у меня все хорошо, пусть не волнуется.

На первый взгляд парнишка показался Леле пухлым, но теперь она увидела, что руки и плечи у него совсем худенькие, а пухлое только лицо, и под глазами большие коричневатые тени.

– Скажу, конечно. А ты что, только простыми карандашами рисуешь? – Леля тоже перешла на «ты», и так правда было лучше.

– Это я к вступительным готовлюсь, мне рисунок сдавать.

– А куда поступаешь?

– В училище, на худграф. Я вообще акварель люблю, но сюда же нельзя краски. – И он печально, как Пьеро, обвел рукой палату.

Леле было жутко любопытно посмотреть, что он рисует, но просить показать альбом было неудобно. И потом, там внизу ждала его мама.

– А ты сам вниз не выходишь, не разрешают?

– Неа, – Андрей отрицательно качнул головой, – не разрешают.

– А почему?

– Да я обратно по лестнице сам не зайду...

Леля решила, что он так шутит. Лестницы, конечно, тут крутые, она сама запыхалась. Но не настолько же, в самом деле.

– Ладно, ты выздоравливай! – махнув холщовой сумкой, улыбнулась она.

– И ты тоже.

Прикрывая дверь, Леля увидела, как Андрей улыбнулся ей вслед.

На ужине в маленькой столовой лор-отделения Леля, конечно, снова видела Зорика. Он сидел за «мужским» столом, широко расставив локти и подавшись вперед своими мощными покатыми плечами. Мужчины – кто в пижамах, а кто в свитерах и трениках – хохмили и подкалывали друг друга, и Леля видела, как трясется от смеха его коротко стриженный затылок. Теперь у Лели были свои теплые вещи, но она подумала, что необязательно отдавать ему свитер прямо сейчас. Ей нравилось, что он длинный и просторный, нравился терпкий запах мужского одеколona.

«Потом отдам», – решила она.

8

Светка плюхнулась на свою кровать так, что закрипела панцирная сетка. От нее крепко и вкусно пахло сигаретным дымом.

– Ух ты, какой красивый получается!

Леля сидела, пристроив под спину подушку, и довязывала шарф из белого импортного мохера, который мама привезла откуда-то из командировки. Курить со Светкой Леля не ходила – попробовала разок ее «Столичные», и замутило так сильно, что больше пробовать не хотелось. Светке она этого, конечно, не сказала. Не ходит, потому что там холодно, и все тут.

– Это я маме вяжу. Теперь уже на следующую зиму, наверное, будет. А то весна совсем скоро.

Седьмую палату залило солнечным светом. До настоящего тепла было еще далеко, весна в «ледяную тундру» приходила ближе к апрелю. Но солнце уже светило

по-другому, Леля всегда это чувствовала. Зимы в Бурятии вообще очень солнечные, а небо ярко-синее от края до края. Но зимнее солнце было студеным, сухим и не давало ни капли тепла. А сегодня оно было другим – пусть еще не теплым, но уже и не морозным, и светило оно мягче, ласковее.

– У меня Вован этой весной должен дембельнуться, самое позднее через месяц, – сообщила Светка.

– А где он у тебя служит?

– В Душанбе.

– Ни фиги себе, в Таджикистане?

– Ага. Их когда туда повезли, мы думали, точно в Афган. Когда их в учебку отправили, я прям сутки редела. Но потом вот обошлось, в Душанбе оставили. Жарища там у них, пишет, страшная.

– Вы с ним со школы? Он тоже из Гусиноозерска?

– Ага. Но он туда уже не вернется. Будем здесь жить, в Улан-Удэ. Он на ЛВРЗ устроится по специальности. Как поженимся, нам общагу семейную дадут. Ну а там посмотрим. – Светка мечтательно улыбнулась. – В отпуск будем ездить на Байкал или к себе домой, на Гусиное озеро.

– А на море? Все же обычно на море хотят в отпуск. – Лелины спицы мелькали, понемногу забирая нитку, и моток мохера уютно шуршал под боком в целлофановом мешке.

– На море тоже можно разок. Далеко только ехать. А ты на Гусином озере была? Знаешь, как там красиво? А рыбы сколько? Гусиное озеро – оно же второе в мире после Байкала!

– Да ладно, не может быть.

– Ну как не может? Нам на географии говорили – второе после Байкала.

– Ну, если на географии... – Леля не сильна была в реках и озерах, но подозревала, что Великие озера США

и Канады, озеро Мичиган например, вряд ли уступают Гусиному в размерах.

– А у тебя-то мальчик есть? – вдруг спросила Светка.

– Не-а, нету.

– Я когда с Вованом дружить начала, мне тоже тринадцать было, как тебе. А он на четыре года старше.

Леля отлично ладила с мальчишками в школе, она была одной из немногих девочек, кого даже самые заядлые хулиганы и двоечники называли по имени. Но к шестому классу почти все они с виду были еще малышкой. Как романтический объект никто из одноклассников Лелю не рассматривал, а дружбу предлагали другим девочкам – похожей на немецкую куколку смешливой троечнице Наташке Пономаревой или Ане Шпигель, бледной, с огромными трагическими глазами и очень длинными ресницами.

Мужское внимание Леля обнаружила летом перед шестым классом в пионерском лагере – парни из старших отрядов приглашали ее на медленные танцы на дискотеках. Да и мальчишки из ее отряда вели себя совсем не так, как одноклассники. Вокруг Лели и ее лучших «лагерных» подружек Вики и Тани шла какая-то бесконечная щенячья возня с отбиранием вещей, убеганием, обливанием водой и залезанием ночью в палату с тюбиками зубной пасты. Все это было, конечно, весело, но Леля представить себе не могла, чтобы мальчишки из класса могли позволить себе с ней такое. Она была им другом и каким-то авторитетом, что ли... А в лагере ей больше всего нравилось и льстило внимание вожатого Юры. Он отлично играл на гитаре, а Леля знала много песен Окуджавы и Высоцкого, у родителей были их пластинки. И «Машину времени», конечно, знала. У нее неплохо получалось петь. Но Юра был вожатым другого отряда, и пересекались они нечасто, только на больших кострах

и других общелагерных событиях. Один раз, на последней, прощальной дискотеке, Юра неожиданно пригласил Лелю на медленный танец, но все время, пока звучала невозможно красивая и печальная Belladonna, он был напряжен, как деревяшка, спрашивал, какую музыку она слушает, хотя и так отлично знал, и все время называл ее Ольга...

Ну а в школе взросленькие на фоне своих одноклассниц Леля и Иришка не случайно держались вместе. Иришка тоже интересовала отнюдь не одноклассников, а парней постарше, и, надо сказать, взаимно. На большой перемене было такое развлечение: выскочить из школы и по морозу промчаться через дорогу в кафетерий напротив, чтобы купить слойку с сахарной пудрой или трубочку с кремом и стакан горячего какао. Гардероб во время уроков был закрыт на замок, поэтому бежать приходилось без пальто. В морозы ниже двадцати на такое решались только мальчишки, но иногда Леля и Иришка, замотавшись в длинные шарфы, тоже могли бегом рвануть через дорогу в своих платьях с белыми воротничками. По соседству со школой находилась городская баня, куда частенько привозили на помывку солдат-срочников в серых шинелях и смешных цигейковых шапках-ушанках. После бани солдатики тоже любили забежать в кафетерий, и тут начиналось самое интересное. У парней горели глаза, и Леля с Иришкой получали в кафетерии свою минуту славы. Телефона своего Леля солдатикам в шинелях не давала, было страшно: вдруг позвонят, а трубку возьмет мама или бабушка, что тогда? А Иришка однажды дала – ей можно было все свалить на старшую сестру Марину. И теперь Игорек из Молдавии звонил ей иногда по вечерам, думая, конечно, что она в десятом классе, а не в шестом, и предлагал встретиться, только пока непонятно было, где и как. Пионерские галстуки на шее в кафетерии

были совершенно некстати, так что девчонки снимали их и временно прятали в портфель. А вот модные длинные шарфы – в самый раз.

– Базарова Ольга, к тебе пришли, – просунулась в дверь бледная носатая женщина из соседней палаты. Леля уже видела ее в столовой.

– Ко мне? – удивилась Леля. – Интересно, кто это в такое время?

– Мальчик какой-то, – неожиданно ответила на риторический вопрос носатая соседка и прикрыла дверь.

Леля провела пару раз массажкой по волосам, смазала губы бесцветной гигиенической помадой с клубничным запахом, глянула в маленькое зеркальце и отправилась в вестибюль. До туши в больнице дело так и не дошло. В начале пятого в вестибюле было еще пусто. Генка Белосов сидел на откидном стуле с независимым видом, расстегнув пальто и нахлобучив кроличью ушанку на глаза. Он любил дурачиться, но не всегда это выходило смешно. Генка, сын самых близких друзей семьи, тети Люды и дяди Стаса, был Лелиным ровесником. Они знали друг друга с того лета, когда их родители вместе отдыхали в Феодосии и Леля первый и пока единственный раз была на море. Им с Генкой было тогда по четыре года. Папа и дядя Стас наловили у берега крабов, и Генка, вооружившись веточкой, взялся их дрессировать. Леля тоже хотела быть дрессировщицей, но Генка не подпускал ее к крабам ни в какую, заявив, что это «не женское дело». Леля так удивилась, что запомнила это на всю жизнь. Вообще, все их тогдашние игры рано или поздно заканчивались дракой и слезами. Причем Генкиными. Он был задирой, но при этом плаксой. А Леля в потасовках постоянно умудрялась то больно выкрутить ему руку, то приложить головой об ножку стола. Родители, все четверо, считали такой расклад исключительно комичным, и Леля с Ген-

кой, не дождавшись ни сочувствия, ни наказания, от нечего делать быстро мирились.

К школе Генка повзрослел, больше не задибался, но стал невероятным фантазером. Леля снисходительно слушала его байки о победах над какими-то неведомыми хулиганами с инсценировкой и озвучкой всех захватов и ударов. Но в остальном им было интересно вместе. Леля любила вместе с родителями приходить к Белоусовым в гости. У них была красивая просторная квартира в новом доме. Леле нравилась огромная кухня и что у тети Люды и дяди Стаса есть спальня, как в кино, с большой кроватью и трюмо, а у Генки – своя комната. У Лели в квартире все было устроено по-другому. Она делила комнату с бабушкой, родители спали на диване в гостиной, а в третьей комнате, узкой и длинной, стояли стеллажи и письменный стол. Там был кабинет. А еще у Белоусовых в квартире была большая кладовка, где Леля с Генкой включали в темноте фонарик и рассказывали друг другу разные страшилки, пока родители пили вино и смеялись в гостиной. В такие вечера Леля просилась остаться ночевать у Генки, мама никогда не возражала, папа тем более, и тетя Люда стелила ей вместе с Генкой, прямо на его широком раскладном диване – просто еще одно одеяло и подушку. И они болтали чуть ли не до утра, а потом засыпали рядышком, как усталые щенки.

Конечно, им давно уже не стелили на одном диване. Генка повзрослел, вытянулся, хотя, конечно, не дотягивал до Лели, очень много читал и стал серьезным и ироничным парнем. И к тому же очень добрым. Хотя местами все еще немного с придурью.

– Привет! Ну как тут, мучают тебя? – прищурившись, спросил Генка.

– Ну, есть немного.

Леля в красках рассказала ему про пункцию, а потом про свою новую подругу Светку и про всех соседок по палате.

– Слушай, а правда, что Гусиное озеро второе в мире после Байкала?

– Тебе кто такую дурь сказал? – изумился Генка.

– Ну, неважно.

– Оно второе после Байкала в Бурятии. Но не в мире, конечно.

– Так я и думала.

– Лелька, я смотри что тебе принес.

Генка достал из яркого иностранного пластикового пакета с ковбоем и надписью Marlboro пухлый сверток в целлофановом мешке. В нем была какая-то бумажная бомба из скомканных газет.

– Это что?

– Ты разворачивай!

Леле было очень смешно. Она бы не удивилась, окажись там пустышка – вполне в Генкином духе. Но в самой серединке бумажного кокона было что-то теплое. Леля развернула последний слой и обнаружила мокрую и еще горячую молочную сосиску в целлофановой пленочке. Газеты вокруг нее раскисли.

– Вот, ты же любишь, – улыбнулся Генка. – Ешь прямо здесь, пока горячая. Я, видишь, в сто одежек завернул, думал, не донесу, остынет.

– Ух ты! Спасибо! – Леля откусила сосиску, почувствовала забытый вкус и счастливо улыбнулась.

Она обожала сосиски еще со времен своего детства на сытой Украине. В Улан-Удэ сосиски были величайшим дефицитом, и достать их было в разы труднее, чем вареную колбасу. Колбасу хотя бы раз в неделю, по субботам, выбрасывали на растерзание длинной, ожидавшей с четверга очереди. Сосиски же в продажу не поступали никогда, их можно было достать только через какие-нибудь блатные распределители. У предприятия, где работал Генкин папа, такой распределитель, очевидно, был.

В подтверждение этому Генка достал из пакета «Мальборо» апельсин, и это тоже было чудом. Апельсины обычно привозили в город ближе к Новому году, в руки давали только по килограмму, то есть примерно по четыре штуки, поэтому в очередях стояли семьями и потом долго растягивали удовольствие, по-честному распределяя, кому сколько причитается. Но у Белоусовых с апельсинами и прочей провизией был порядок.

9

В палате Леля положила апельсин в тумбочку, вечером после ужина всех угостит, по дольке должно хватить. К Светке пришли подружки из ее ПТУ, маленькая Аюна капризничала, Баирма ходила по палате, качая и легонько потряхивая ее на руках. Леля взяла книжку и вышла в коридор. Сестры на посту не было. Леля забралась на уютный диван, как она любила, с ногами, сбросив тапочки, и открыла «Темные аллеи» Бунина, которые Иришка дала ей с собой в больницу с напутствием не показывать маме, «а то отберет». Мама, конечно, не отобрала бы, но официально Леля взяла читать в больницу «Молодую гвардию». Как же она, оказывается, устала сидеть на кровати с продавленной панцирной сеткой и как хорошо и уютно здесь, в уголке дивана.

Зорика она увидела издалека. Он шел своей расслабленной, чуть вразвалочку, походкой и смотрел прямо на нее. Леля почувствовала, как в желудке у нее что-то сжалось – приятно и тревожно. Она хотела с независимым видом уткнуться обратно в книгу, но вместо этого улыбнулась и кивнула. Зоригто не спеша подошел к дивану и сел рядом. Пластыря на переносице у него уже не было.

– Привет.

– Привет. Я вам сейчас свитер вынесу. Вы меня очень выручили, спасибо.

Леля сказала первое, что пришло в голову, а сама думала: «Он сел рядом, потому что здесь я или ему просто надоело торчать в палате и податься больше некуда?»

– А чего это на «вы»? Я что, такой старый? – смешно поморщился Зорик.

Конечно, не старый. Но Леля не привыкла вот так сходу говорить людям «ты».

– Ну, давайте на «ты»...

– Давайте... – усмехнувшись, повторил за ней Зорик. – Где подружка твоя?

– Светка? Да к ней пришли. – Леля махнула рукой в сторону вестибюля.

– А ты сама-то с чем здесь? С виду вроде на больную не похожа.

– Да ничего особенного, так, обострение гайморита, даже температуры не было, – пожала плечами Леля. – А вы? А ты? Травма? – Она зачем-то показала на свою переносицу.

– Да нет, мне нос не ломали, я же не боксер, – усмехнулся Зорик. – Отправили носовую перегородку чинить.

Он сидел, облокотившись предплечьями на свои колени, и смотрел перед собой, лишь слегка поворачивая голову в Лелину сторону, и она, сидя в углу дивана и поджав ноги, видела в основном его ухо и затылок.

– А что с ней? С перегородкой?

– Искривление. Тренер сказал, если на Европу готовиться, надо исправить.

– А зачем?

Зорик выпрямился, не торопясь развернулся к ней уже всем корпусом и уселся поудобнее, закинув одно колено на сиденье, а локоть – на спинку дивана. Желто-фиолетовый синяк у него под глазом почти прошел, и распухшая переносица приняла нормальный вид. Леля вдруг поняла, что он напоминает ей молодого всадника с монгольской

гравюры, которая висит у них дома: прямой нос, высокие острые скулы, широкие брови. Уголки красиво очерченных полных губ смотрят вверх, хотя он и не улыбается. Только, в отличие от серьезного всадника, было в его лице что-то насмешливое и по-мальчишески задорное.

– Там нагрузки будут другие. Я вообще не хотел эту операцию делать. Врач сказал – надо, тренер – туда же. Ну вот, теперь сделали уже.

Он вдруг улыбнулся ей, и Леля увидела, что у него ямочки на щеках.

– Да ты чего такая серьезная?

Глядя на эти ямочки, Леля почувствовала, что вся его взрослая суровость куда-то улетучилась.

– Я серьезная? Да ты сам себя в зеркало видел? Ходишь, как... – Она насупила брови.

– Как наш сержант в армии, – засмеялся Зоригто. – Очень важного из себя строил.

– А ты где служил? – вспомнив недавний разговор про Светкиного парня, спросила Леля.

– Я-то? Недалеко от Москвы, кстати, в Туле.

Леля не поняла, почему «кстати». Она хотела спросить, был ли он в Москве, но вместо этого почему-то сказала:

– А в армию, значит, с искривлением перегородки берут?

– О-о-о, – Зорик махнул на нее рукой, – это им вообще хама угэ!

Леля знала это выражение. По-бурятски оно означало что-то вроде «до лампочки». Ей стало смешно.

– У меня мама отцу так все время говорит, что ему все хама угэ, – улыбнулась она.

– Да? Так ты буряточка, что ли? – прищурив один глаз, спросил Зорик.

– Ну, на четверть, по отцу.

– Хм, ни за что бы не сказал. Ты в маму, наверное?

Полненькая, грудастая медсестра Лена деловито прошла на свой пост, быстро глянув на Зорика, но замечания не сделала, и они остались сидеть на диване, а Зорик, ничуть не смущаясь, проводил Лену оценивающим взглядом. Он учился на третьем курсе физкультурного факультета пединститута, вольной борьбой занимался с детства и сейчас тренировался уже на серьезном уровне.

– Когда выпишусь, тренер хочет меня Мухортову показать. Знаешь, кто это?

Леля не знала.

– Федор Николаевич, мастер спорта СССР. Он чемпион Европы воспитал, Бориса Будаева, слышала?

– Я совсем не разбираюсь в вольной борьбе, – пожалала плечами Леля. – Знаю только, что есть такой борец Руслан Ашуралиев. У меня папа его любит изображать, когда дурачится. – Леля смутилась, потому что папа дурачился с мамой и об этом, пожалуй, не стоило упоминать.

Но Зорик сказал только:

– Ну, Ашуралиева все знают, он чемпион мира, двукратный, из семидесятых. Отец твой борьбой увлекается?

– Он вообще спорт любит. Разный. Теннис настольный, лыжи, велик...

– А ты сама?

– А я плаванием занимаюсь.

– На Авиазаводе?

– Нет, в новом бассейне, на Бабушкина.

Леля так ждала, когда его построят! Бассейн на Авиазаводе был на другом конце города, кто бы ее туда отпустил! А этот – в двух остановках на трамвае, огромный, весь из стекла и бетона, но его все никак не могли сдать. Когда наконец свершилось и Леля пришла записываться в секцию, она уже умела плавать по-собачьи и по-матросски, вразмашку и даже на спине. Молодой тренер в джинсах, с фигурой как у Трубадура из мультика про бременских

музыкантов, выслушал ее и сказал: «Ну давай, проплыви один бассейн, я посмотрю». Она старалась как могла, из последних сил преодолевая пятьдесят метров, и когда доплыла до бортика, секундомер показывал минуту двадцать пять. Так что в секцию ее взяли исключительно за энтузиазм. Хотя, может быть, тренер все же увидел какие-то данные. Сейчас, спустя несколько месяцев, Леля уже плыла пятьдесят метров кролем за сорок четыре секунды.

– Кто там тренер у вас? – поинтересовался Зорик.

– Геннадий Николаевич.

– Гена Самарин? Здоровый такой? – Зорик изобразил руками дополнительный объем к своим и без того внушительным плечам.

Она кивнула:

– Ага, Самарин!

– Он наш пединститут закончил, знаю его. Мощный пловец, КМС. Симпатичный? – подмигнул Зорик.

Леля кивнула:

– Да, и самый молодой у нас. А ты после педа тоже тренером будешь?

– Ну да. А хотя, может, и учителем физкультуры в школе.

– Ох, в школу тебе нельзя, – покачала головой Леля.

– Почему это?

– Да в тебя там все девчонки повлюбляются! – Леля прикусила язык. Вот зачем она это сказала? Ей стало так неловко, что захотелось провалиться.

– Да? Думаешь? – Зорик довольно захохотал. – Ну а чем плохо? Физкультуру не будет прогуливать!

– Тоже плюс, – опустив глаза, улыбнулась Леля. Она прижала книжку к груди, выбралась из угла дивана и на шариле на полу свои тапочки. – Подожди здесь минутку, принесу твой свитер.

Перед сном, уставившись в книжку, Леля снова и снова прокручивала в памяти их разговор и этот момент. Она

протянула Зорику свитер, а он сунул его под мышку, глянул на нее лукаво: «Смотри, не мерзни у меня больше, принцесса» и улыбнулся своими ямочками.

10

Жареной рыбой – минтаем или чем похуже – воняло на все отделение, так что на ужин Леля не пошла. Такое она все равно не ела. Решила, что просто выпьет чаю с булочкой, которая осталась от полдника. Она развернула салфетку, откусила румяный, посыпанный сахаром булкин бочок и стала вспоминать весь сегодняшний день. Утром произошло одно событие, которое встревожило Лелю и мысль о котором снова и снова вертелась у нее в голове.

На «кислород», как всегда, было много народу. Девчонки заняли очередь, и Леля взялась по привычке разглядывать хорошо знакомые легкие лыжника. У коктейльной медсестры что-то не ладилось с аппаратом. Она отсоединила трубку и заглядывала в него со всех сторон, когда в кабинет вошла ее коллега:

– Катюш, ну я домой.

– Давай, Наташ, конечно, у вас ночка сегодня выдалась.

Медсестра Наташа подошла поближе:

– Что тут у тебя?

– Да постоянно одно и то же. Разберусь. Как там ваш мальчик из пятой?

Леля мгновенно насторожилась.

– Ну, получше сейчас, стабилизировали. Сергей Борисович думал, не вытянем его. В интенсивную пока перевели.

– Ну, дай бог. Это сколько парнишке-то?

– Ой, лет семнадцать, кажется. Бедняга.

Когда медсестра вышла, Леля шепнула Светке: «Возьмешь на меня, я на минутку?» – и выскользнула за дверь. Постовой на месте не было, и, прошмыгнув по коридору, она заглянула в пятую палату. Обе кровати оказались пусты. Леля растерялась: «Может быть, они на процедурах? Или вообще не про Дымова была речь?»

– Ты кого там проведывала? – держа в руках два граненых стакана с кислородным коктейлем, спросила поджидавшая ее Светка.

– Там парнишка один лежит, я ему передачу носила. Про него сестры сейчас говорили, слышала? Что из пятой палаты чуть не умер ночью.

– Так не умер же! Сказали, стабильно все. Тут кардиология, такое дело – сердце, – философски заметила Светка. – Там он?

– Нет... Но и соседа нету. Мало ли где они... Может, на процедурах.

– Так, может, его выписали уже? И нового привезли?

Такое не приходило Леле в голову, и она с радостью ухватилась за эту версию, потому что увидеть пустую кровать, где должен был сидеть со своим альбомом мальчик с белокурой челкой, оказалось слишком печально...

– Оленька, чаю налить? Ты чего там в сухомятку? – спросила Тамара Александровна. Она тоже проигнорировала рыбный ужин.

– Да, спасибо! – Леля перегнулась через спинку и поставила на стол свою чашку.

За окном стемнело: раннее мартовское солнце пряталось еще слишком поспешно. Зато с утра оно сияло и дразнило так, что Леле было не по себе. У нее всегда возникало это чувство тревоги и досады, когда в погожий, солнечный день она сидела взаперти и не могла выйти на улицу. Это было противоестественно и обычно означало только одно: она у бабушки, и у нее снова тем-

пература. Леля хорошо помнила такие дни с раннего детства. Зимой еще ничего, но особенно обидно было, если это случалось летом: в приоткрытое окно шелестели тополя, веяло пыльным жаром разогретого асфальта и цветущей акацией, со двора доносились вопли мальчишек, звонкие удары по мячу, яростное кудахтанье соседского мотоцикла, стук костяшек домино, ровный гул мужских голосов. И от этого нестройного оркестра приглушенных кирпичными стенами звуков Леле становилось тоскливо и одиноко. Совсем рядом, прямо за окном, неторопливо текла жизнь, в которой до нее никому не было дела.

Перед самой школой мама наконец забрала Лелю в Улан-Удэ, и в ее жизни поменялось сразу все. Новый город, новый детский сад, в который оставалось ходить еще полгода, новые подружки во дворе и, можно сказать, новая семья. Мама, которую Леля привыкла видеть только летом и любить на расстоянии, папа, который до сих пор появлялся в ее жизни эпизодически, в редкие приезды на Украину, привозил невероятные игрушки, собиравшие вокруг Лели весь двор, катал на плечах, снимал на фотоаппарат, рассказывал что-нибудь любопытное, а потом снова уезжал – учиться в аспирантуре и писать диссертацию. Появилась и другая бабушка – модная и элегантная. В сияющей чистоте трехкомнатной квартире она была безусловной хозяйкой. Бабушка Тоня шила себе красивые платья, носила обувь на каблуках и ходила на работу в институт культуры с изящным портфелем из крокодиловой кожи. Дед здесь больше не жил. Считалось, что он на БАМе в длительной командировке, но со временем по обрывкам фраз Леля поняла, что он ушел к другой, очень молодой женщине.

Бабушка Тоня любила Лелю скорее как маленькую подружку: учила шить и вязать, гладить и заводить тесто. Бабушка Бэла, что осталась на Украине, тоже учила Лелю –

письму и чтению, Пушкину и Лермонтову. Она любила Лелю страстно, безоглядно, как тигрица своего детеныша, больше всех на свете. Леля знала это и теперь очень тосковала. А бабушка часто отправляла им посылки с дефицитными продуктами из своего инвалидного пайка – с гречкой, шоколадными конфетами, кофе и сгущенкой.

В школе Леля училась на отлично без особых стараний. Она делала уроки, едва вернувшись домой или даже еще в школе, на переменах, отдавала ежедневную дань поначалу любимому, но со временем ставшему ненавистным пианино, бросить которое не приходило в голову – это ведь тоже школа, разве можно бросать? И только потом уже с легким сердцем отправлялась на все четыре стороны.

«Тебе лишь бы гулять! – с неизменной насмешкой замечала мама. – Лучше бы что-то почитала!»

Леля и правда не была из тех детей, что читают запоем, поэтому в своей насквозь филологической семье была объектом постоянных подколов. Книжки она любила, но не хотела, чтобы из них состояла вся ее жизнь! Ее всегда неудержимо тянуло из дому. Коньки и ледяные горки зимой, вышибалы и казаки-разбойники весной – вот это было весело! А когда приходила настоящая летняя жара и можно было выносить из дому брызгалки – пластиковые бутылки из-под шампуня с отверстием в крышечке, в которое вставлялась половинка шариковой ручки в качестве ствола, – они устраивали настоящие водные баталии! Леля носилась по двору быстрее всех девочек и многих мальчишек, и когда пацаны вопили: «Лови длинноногую!» – она не обижалась, потому что знала, что очень скоро это станет ее преимуществом. Тетя Люда говорила ей, что быть длинноногой – красиво. А еще она говорила, что Лелиным губошлепным губам тоже очень скоро все будут завидовать.

Леля вообще не понимала дурацкого стереотипа: отличница – обязательно тихоня в очках. Разве нельзя быть веселой, красить ресницы, слушать иностранные группы, вязать себе модные вещи и нравиться мальчикам? Зачем быть скучной заучкой, если так легко не иметь проблем с учебой и при этом радоваться жизни?! Ей нравилось, что ее дни набиты делами до отказа: школа, музыка, будь она неладна, пионерский хор, тренировки, подружки. Когда после зимних каникул шестые классы перевели во вторую смену и музыка по утрам стала совпадать с плаванием, Леля так расстроилась, что учительница фортепиано согласилась поставить ее занятия нулевым уроком. Леля приходила в музыкалку ни свет ни заря, ей открывал ночной сторож, и она в предрассветной тишине отыгрывала специальность, чтобы успеть в бассейн. Ей нравилось, когда все вокруг вертелось, менялось, бросало вызовы, на которые нужно ответить, прорваться. В больнице она успела соскучиться по своей стремительной жизни и никак не могла привыкнуть, что из всех дел ей остались одни процедуры.

К тому же сегодняшняя процедура просто вышла из ряда вон. Ближе к полднику Лелю повели на вторую пункцию. Она старалась не думать о том, что сейчас будет, и вошла в операционную, как солдат, – готовая быть молодцом, собранная, серьезная. Но когда вместо Александра Цыреновича она увидела незнакомого парня в белом халате, ее охватила паника. Молодой врач или даже интерн был комично длинным, как заяц-баскетболист из той серии «Ну, погоди!», где про Олимпиаду-80. Его брови были удивленно приподняты, а круглые выпуклые глаза ошалело смотрели из-за толстых стекол очков. Медсестра тоже была другая, незнакомая. Леля уселась к стене на стул с металлическими подлокотниками. У нее это было во второй раз, а вот у интерна, похоже, в первый. Полчаса спустя

она вышла из кабинета с распухшим от слез лицом и твердым решением никогда в жизни больше не подпустить к себе ни одного врача. Героем быть не получилось. Несмотря на то, что длинный практикант медленно и осторожно засовывал ей в нос свои зловещие проволоки, видимо, делал он это недостаточно глубоко, и там, где надо, в центре головы, ничего толком не заморозилось. Проломить стенку гайморовой пазухи ему удалось только с третьего раза, и вспоминать об этом Леля не хотела больше никогда.

По пути в свою палату, все еще хлюпая носом, она увидела Зоригто у поста дежурной медсестры. Пухленькая Лена перебирала какие-то направления, время от времени игриво вскидывая на него глаза. Зорик полусидел прямо на ее столе, упершись обеими ногами в пол и скрестив руки на груди, а его губы кривила знакомая ухмылка. Когда Леля поравнялась с постом, Зорик вдруг распустил крендель своих рук, уперся ладонями в стол и, чуть подавшись вперед, внимательно глянул на нее:

– Эй, привет!

– Привет, – кивнула Леля и юркнула в свою палату. Ей совсем не хотелось сейчас никаких расспросов. Усевшись на кровать, она обхватила колени. Заморозка, похоже, подействовала только сейчас, потому что пазуха даже не ныла, и ей стало досадно, что она устроила в операционной такую сцену. Леля достала свое вязание и замелькала спицами. Теперь ей открылся священный смысл слов, сказанных в прошлый раз медсестрой Мариной: «Тебе повезло, что Александр Цыренович сегодня дежурит. У него рука легкая». Зато сегодня – повезло так повезло...

Громко хлопнув дверью, с ужина вернулась возмущенная Светка:

– Обратно сегодня рыбу эту вонючую дают!

Ей еще утром сняли повязку с глаза, и ее оранжевое от веснушек добродушное лицо сияло теперь двойной дозой озорного лукавства.

– Да уж поняли мы, досюда добивает, – усмехнулась Леля.

– Светлана, вот не сочтите за бесцеремонность, но рыбу никак нельзя давать обратно. Разве что кого-то ею вырвет. Что, кстати, очень вероятно, – заметила, прихлебывая чай, Тамара Александровна.

– Так ведь давали ее позавчера, вот эту же, вонючую, а сегодня – обратно, – парировала Светка, но по ее лукавому взгляду было ясно, что она прекрасно поняла, о чем речь.

– Ну, следуя вашей логике, можно сказать: «Покойника обратно на кладбище несут!» – развела руками Тамара Александровна. – Как будто он оттуда сбежал.

– Да поняла я, поняла! «Опять» надо говорить, – рассмеялась Светка.

– Или снова, – довольно кивнула преподавательница русского языка.

Леле стало смешно. Прошло уже достаточно времени, чтобы она успела отойти от пункции, которую мама с самого начала не без оснований называла ужасной. Ей больше не хотелось грустить и обижаться.

– Лель, пойдем прогуляемся, на диване посидим, – предложила Светка.

После ужина лор-отделение оживало. Больные не торопились в свои палаты и прогуливались по коридору. Леля уже привыкла, что здесь то и дело встречались забинтованные глаза, перевязанные уши и заклеенные пластырем носы, но на одного больного, которого она встретила еще в первый день, ей по-прежнему страшно было смотреть. Худой мужчина с трубкой в горле как раз шел им навстречу.

– Свет, ты видела? – шепотом спросила Леля. – Знаешь, что это с ним такое?

– Видела. Я у Лилии Генриховны спрашивала. Она сказала, производственная травма. Вдохнул что-то ядовитое, там отекло все, пришлось дырку делать, чтоб не задохнулся.

– Ужас какой...

– Ага, жутко выглядит.

Они уселись на никем не занятый диван, и Леля увидела, как красный адидасовский костюм светофором полыхнул в глубине бледно-серого больничного коридора. Зорик шел из столовой своей мягкой, расслабленной походкой. Леля поймала себя на том, что с самого начала, как только они вышли «прогуляться», искала его глазами. Хотя нет, если уж совсем честно, она искала его глазами с того самого дня, когда согрелась наконец в его пушистом свитере. Искала белые лампы, коротко стриженный затылок, покату ю линию крепких плеч. Леля не могла объяснить, зачем он ей нужен, но ей хотелось видеть его. А еще больше хотелось, чтобы он замечал ее сам. Зоригто не свернул в свою палату, а шел, глядя прямо на нее, как в тот день, когда они болтали здесь, на диване. Сердце громко стукнуло и заколотилось, но Леля не подала виду. По крайней мере, ей хотелось так думать.

– Привет. – Зорик без приглашения уселся на диван рядом с Лелей и, наклонившись вперед, заглянул ей в лицо: – Ты чего такая была сегодня?

– Какая? – улыбнулась Леля.

– Да зареванная вся. Я подумал, что-то случилось у тебя.

– Ей сегодня практикант достался на процедуру, – тут же ответила за Лелю Светка. – Замучил ее там чуть не на смерть, пока сделал.

– Ну, не практикант, наверное, просто молодой доктор, – вступилась за «зайца-баскетболиста» Леля. Она сидела между Светкой и Зориком и, не зная, на кого смотреть, смотрела на свои коленки. Ее тяжелые волосы рассыпались по плечам, и она привычным жестом убрала их за уши.

– Да ты моя-то. – Зорик вдруг порывисто обнял ее одной рукой и легонько прижал к себе. – А я смотрю, всегда ходит как солнышко ясное, а тут идет – на себя не похожа.

Светка что-то ответила ему, они засмеялись, но Зорик не торопился убирать свою руку, и Леля подумала, как это должно выглядеть со стороны, что вот они сидят в обнимку, а мимо прогуливаются больные. И смотрят на них... Она невольно шевельнула плечами, и Зорик все же руку убрал.

– Вот в спорте часто потерпеть приходится, – сообщил он авторитетно. – У меня, знаешь, если что-то болит, я нагрузку себе даю, мозг переключается – и все проходит. Ты же спортсменка? Умеешь отжиматься?

– Ну так. Не очень, если честно.

– А от подоконника? Смотри, вот так.

Зорик подскочил с дивана и принял стойку, упираясь руками в ближайший подоконник.

– Пятьдесят раз отожмешься?

– Да ты шутишь, максимум десять, – улыбнулась Леля.

– Да это ж легко! – И Зорик начал отжиматься, касаясь грудью подоконника, но с такой легкостью, как если бы он просто сжимал в ладони резиновый мячик.

– Зорик, ты здоровый как конь! Силы вон некуда девать. Тебя почему не выписывают? – подивилась Светка.

– Выписывают, послезавтра, сказали, – не переставая отжиматься, ответил Зорик без малейшего намека на одышку. – А вот так можешь? Смотри!

Он поманил девчонок рукой и направился к посту медсестры, который, как по заказу, пустовал. Взяв два стула – один стоял сбоку от стола, – он поставил их спинками друг к другу по обе стороны от себя, оперся на них руками, как на брусья, и сделал «уголок».

– Вот так умеешь? Это в программу входит, кстати. Должна уметь. Приду в школу, без этого зачет не поставлю. – Он задорно смотрел на Лелю, без особых усилий удерживая ноги под прямым углом. Мощные бицепсы натянули ткань рукавов, короткая челка задорно топорщилась, а на щеках снова объявились ямочки. – Давай, попробуй!

– Зоригто, ну ты че как маленький. Ей же сегодня прокол делали, – всплеснула руками Светка.

Но Леля уже повелась на слабо. Она встала между стульями, сменив Зорика, ухватилась руками за деревянные спинки-перекладки и, напружинив пресс, стала выводить ноги в уголок. С прямыми не получалось и, чтобы не свалиться назад, пришлось согнуть колени.

– Не-ет, с прямыми давай. – Зорик наклонился, быстрым движением просунул одну руку Леле под мышку и крепко обхватил за талию, а другой распрямил и приподнял ее ноги, держа их чуть ниже колен. – Вот так должно быть! Поняла?

Он держал ее так крепко, что Леля могла бы и не упираться больше в спинки стульев. Она видела его затылок и чувствовала, что щекой он касается ее груди.

– Доржиев, это что за вертеп вы тут устроили?!

Зорик осторожно вернул Лелины ноги на пол и оглянулся. Медсестра Лена стремительным шагом приближалась к посту, и ее большая грудь подпрыгивала в такт цокоту невысоких каблучков.

– Совсем с ума посходили! Быстро по палатам все!

Светка прыснула в кулак из-за Лениной спины, Леля

пискнула: «Извините», а Зорик, подняв вверх ладони, примирительно попятился: «Все, все, мы больше не будем». Леля видела, как скачут лукавые искорки в его глазах, а на щеках снова мелькнули ямочки.

– И стулья на место поставь! – продолжала негодовать Лена, но девчонки уже скрылись в своей палате.

12

Бабушку Евдокию Кирилловну выписали накануне, и, пользуясь тем, что кровать у окна пустует, Светка предложила:

– Давайте я ненадолго форточку открою. Никого не продует? Там солнышко такое, немножко воздуха пустим.

Никто не возражал, и Светка, легко взобравшись на подоконник, отодвинула тугую защелку и распахнула одну за другой маленькие створки. В палате сразу запахло весной. Много лет спустя, став взрослой и объездив полмира, Леля поняла, что нигде и никогда больше не встречала она такой ароматной весны, как в Забайкалье. Улан-Удэ окружали сопки, поросшие хвойными лесами, и от первых же теплых лучиков солнца кедры и сосны, пихты и ели оживали, начинали понемногу просыпаться и потягиваться, пуская по жилам своих стройных стволов и гибких веток тягучие смоляные соки, а воздух над городом наполнялся горьковатым и пьяным ароматом тайги. До набухших почек, буйной пены яблонь и черемухи было еще очень далеко, зато сугробы вдоль дорог уже понемногу начинали чернеть, а в тех местах, куда солнце доставало целый день, показался асфальт.

Кровать у стены с Лелиной стороны тоже непривычно пустовала: наконец отпустили домой Баирму с Аюной, и всем стало немного грустно без маленькой «дочери

полка», с которой уже кто только не понянчился в последние дни. Малышке сняли повязку, под которой обнаружили смешные, торчавшие во все стороны черные волосенки. А сама она, почувствовав себя здоровой, взялась исследовать палату. Отпихивая от себя с недовольным визгом мамины руки, она с невероятной скоростью носилась по полу на четвереньках и, добравшись до ближайшей кровати, вставала, держась за простыню, и, громко сопя, начинала карабкаться наверх. Баирма стояла рядом, готовая подхватить дочку в любой момент, но Аюна, ухватившись крепкими ручками за спинку кровати, к всеобщему удивлению брала высоту сама и усаживалась на чужой кровати с торжествующей улыбкой, как Карлсон на крыше.

Эту весну Леля ждала с нетерпением. Во-первых, папа достанет из кладовки в подвале новый велосипед, который ей подарили зимой на день рождения. А во-вторых, Леле не терпелось надеть свою новую, жутко модную импортную куртку. Кто-то из сотрудников маминой редакции привез ее своей жене с БАМа. Там, если повезет, можно было купить хорошие импортные вещи и даже джинсы. Куртка оказалась жене тесновата, и мама быстренько купила ее для Лели.

Светка тоже ждала весну, и причина у нее была одна – из армии должен был вернуться Вован, и летом они планировали пожениться. Леля думала о том, что Светка не намного ее старше, и неужели совсем скоро Леля тоже выйдет замуж? И будет носить на безымянном пальце тоненькое золотое обручальное кольцо? И готовить мужу обеды? Да, конечно, она выйдет замуж, только не так скоро, как Светка, а после института. Или вообще когда-нибудь потом.

Вечером в столовой Зоригто подмигнул Светке и Леле и сел за стол к своим. Мужская компания после выписок

тоже слегка поредела. Ужин на этот раз был царский – макароны с тушенкой. Видимо, в порядке компенсации за вчерашний минтай. Мужчины, как всегда, посмеивались и подтрунивали друг над другом, и Леле было странно видеть, что Зорик сидит, навалившись на стол и загоравшая локтями тарелку от соседней.

– Странно, да? – сказала она вслух. – Сидит в обороне, как будто у него тарелку сейчас отберут...

– Ты про Зорика? – усмехнулась Светка.

Леля кивнула.

– Они после армии все так едят и считают все в одну секунду. У меня брат, когда из армии вернулся, ему мама положить не успевала – уже ничего нету. Пока она не наорала на него, чтоб сам себе готовил, если жрет как овчарка.

– Ты на своего Вована тоже орать будешь?

– Посмотрим, – улыбнулась Светка. – Он у меня интеллигент. Не знаю, откуда это у него, но вот ему надо, чтоб все красиво было – чашечки, салфеточки.

– А ты готовить умеешь?

– А чего там уметь! Яичницу, супчик, картошки на сале нажарить. А знаешь, какие мы позы дома лепим? Во! – Светка сложила чашечкой обе ладони. – Сочные! Любишь позы?

– Конечно. Я вообще поесть люблю.

Мама и бабушка навещали Лелю по очереди, через день, и приносили то куриный бульон, то домашние пирожки, чтобы Леля не оголодала на больничных харчах. Папа передавал приветы и говорил, чтобы она скорее выздоравливала, пока их лыжня не растаяла. Леля и не рассчитывала, что он будет приходить к ней в больницу сам. Это было бы для него слишком сентиментально, да и потом, не так уж она, в конце концов, больна. Уроки Леля забросила, решила, что догонит потом, зато вперемешку

с «Темными аллеями» честно прочитала «Молодую гвардию». Она ужасно соскучилась по девчонкам, по Иришке, которая приходила к ней пару раз и рассказала, что они с Игорьком сходили в кино и он проводил ее до дома, а потом они зашли в подъезд и там целовались. И Игорек не хотел уходить, но ему надо было бежать, потому что увольнительная заканчивалась. В больнице Леля соскучилась даже по пианино и, конечно, не могла дождаться, когда придет в бассейн. Она представляла себе, как вдохнет знакомый резкий запах хлорки, встанет на тумбочку, скрутится в пружинку, коснувшись пальцами стоп, а потом стремительно, как стрела из лука, рванет вперед, слегка зависнув в полете, и вонзится всем телом в прохладную голубую, разделенную на кафельные клетки воду.

13

Леля стояла у зеркала в умывалке и ждала, пока вода в горячем кране станет хоть чуть-чуть теплой. Перед отбоем все разбрелались по своим палатам, и в отделении стояла мертвая тишина. Леля выдавила на щетку белую гусеничку пасты и принялась чистить зубы, держа пальцы левой руки под струей. Вода почему-то так и не потеплела. Леля умылась, вытерла лицо вафельным полотенцем, собрала волосы в высокий хвост. Она уже не была такой бледной, или, как говорила мама, такой зеленой, как первые дни в больнице. Даже отражавшиеся в зеркале истошно-зеленые стены умывалки не могли испортить впечатления: от прохладной воды щеки порозовели, а белки карих глаз – Леля наклонилась вперед и вытянула шею, чтобы рассмотреть поближе, – были отчетливо-голубыми. Она отстранилась и глянула на себя искоса, как Зинаида Серебрякова на своем автопортрете. Густые,

тяжелые волосы, яркие карие глаза. Леля любила дома листать альбом с репродукциями ее картин.

Она не спеша вышла из умывалки в полумрак узкого коридора и вдруг услышала, что в тупичке у запасной двери, которая вела в курилку, кто-то завозился:

– Эй, – позвал оттуда мужской голос, – ты что, уже спать собралась?

Леля обернулась: крепкий силуэт, белые адидасовские лампасы. У нее гулко стукнуло сердце.

– Иди сюда, – мотнул головой Зорик.

– А ты чего здесь? – Леля сделала пару шагов в темноту и остановилась.

– Тебя жду.

Он потянулся вперед, взял ее за руку и осторожно притянул к себе так, что они оказались почти вплотную друг к другу. Леля не успела подумать, что дальше, как вдруг Зорик рывком крепко обнял ее обеими руками чуть выше талии. Это было совсем не похоже на то, как обнимали ее мальчишки на дискотеке, когда приглашали на медляк. Лелины руки оказались притиснуты к бокам, как у солдата по команде смирно, в одной болталось вафельное полотенце. Леля чувствовала терпкий запах его одеколона, только теперь он был смешан с незнакомым, чужим жаром сильного мужского тела. У нее перехватило дыхание. Стоять так было неудобно и тесно, а его лицо, его губы были совсем близко... Она подняла глаза. Зорик смотрел на нее серьезно, не улыбаясь.

– Меня завтра здесь уже не будет.

– Я знаю.

Леля пошевелилась в его руках, но он не ослабил хватку, а склонил голову набок, и его лицо приблизилось так, что черты стали неразличимы. Леля закрыла глаза, и его губы что-то сделали с ее губами. Леля замерла. Тысячу раз они говорили об этом с девчонками и знали от стар-

шей Иришкиной сестры, что надо слегка приоткрыть рот, иначе парень сразу поймет, что ты не умеешь целоваться. Но сейчас все это не имело никакого смысла, потому что уже происходило с ней так, как происходило. Его дыхание, теплые сухие губы, колкая щетина и вдруг – влажный вкус, чужой, отовсюду, и нечем дышать, и запах мыла от его кожи, твердая скула, щетина и снова ласковые настойчивые губы. Зорик постепенно разжал кольцо своих рук, и Леля почувствовала, что его пальцы пробираются к ней под олимпийку и тоненькую футболку, в которую она переделалась ко сну. Он справился очень быстро, и тут же его широкие теплые ладони стали гладить и сжимать ее голую спину.

– Фуф, какая ты шелковая, – выдохнул Зорик.

Он снова стал целовать ее губы и вдруг ловко перехватил Лелю так, что одна его ладонь оказалась у нее на животе и метнулась вверх, сжав голую грудь. Леля дернула головой.

– Стой, не надо! – Она выронила полотенце и обеими руками уперлась в мощные и тугие, как мешки с песком, плечи. – Перестань!

Это было уже чересчур, так же нельзя, ну правда!

– Все, все, я не трогаю, все, ничего не делаю, – зашептал Зорик, убирая руки из-под олимпийки, но вдруг снова крепко обхватил ее своей железной хваткой.

Леля слышала его частое дыхание и чувствовала себя совершенно беспомощной. Он играл с ней, как кошка с мухой.

– Зорик, хватит, мне надо идти.

– Подожди минутку, мы же теперь с тобой непонятно когда увидимся вообще... Я ничего не делаю, ничего...

Он перехватил ее обеими руками, теперь пониже талии, и крепко прижал к своим бедрам, подавшись ей навстречу. Леля почувствовала сквозь одежду, как в низ

ее живота уперся его твердый, вздыбленный член. Она в ужасе отпрянула, но осталась на месте – Зорик крепко прижимал ее к себе.

– Да не бойся ты, я же ничего не делаю, просто обнимаю, ну ты что, подожди. – Он попытался снова поцеловать ее губы, но Леля, дернувшись изо всех сил, вывернулась винтом из его объятий и отступила на шаг. Он стоял, чуть расставив руки в стороны ладонями вперед, как будто спрашивая: «И что теперь?» Потом улыбнулся своими ямочками:

– Эй, испугалась? Прости, ну прости. Иди сюда. Я просто обниму. – Он потянулся к ней. – Ты такая шелковая... принцесса...

Леля подхватила с пола полотенце и отступила еще на шаг. Она могла уйти, убежать в свою палату прямо сейчас, но разве можно было убежать вот так, не оглядываясь, как будто он какой-то злодей... Леля не знала, что сказать. Он смотрел на нее, чуть приподняв брови и склонив набок голову, и на секунду ей захотелось обратно – пусть обнимет своими железными ручищами, пусть...

– Ты испугалась, что ли? Я тебе больно сделал?

– Нет, все нормально. Я просто... – Леля опустила глаза.

Тогда он спокойно подошел к ней вплотную и обнял, уже не стискивая, а хорошо, бережно. Очень сильный, очень взрослый. Леля на секунду почувствовала это всем телом, кожей и теплой волной, прокатившейся по животу вниз от солнечного сплетения. Она дотронулась щекой до его плеча, потом подняла лицо и посмотрела ему в глаза:

– Я пойду, ладно?

Он наклонился, легонько поцеловал в губы.

– Давай! – И нехотя выпустил ее из рук.

– Спокойной ночи! – Леля повернулась и быстро пошла на свет большого коридора, в свою палату.

– Ага, спокойной ночи, уснешь тут теперь, – не сердито, а даже как-то весело проговорил ей вслед Зорик и хлопнул дверью в мужской туалет.

14

Светка собрала свои вещи сразу после завтрака.

– Лель, я вот батончики тебе оставлю, хорошо? И чай, хочешь?

– Батончики давай, это я люблю, а чай забирай, я все равно его не завариваю, так только, если с кем-то за компанию.

– Ну тогда вот, чтоб не скучала тут одна. – Светка улыбалась рыжим лучистым солнышком. – Тебе Зорик просил передать, чтобы ты не обижалась. Он уехал уже.

– Не обижалась? А чего это вдруг? – Леля изо всех сил старалась сохранить невозмутимый вид, но почувствовала, что уши и щеки у нее вдруг стали горячими.

– Да я его утром видела, до завтрака еще. Он сказал, что хотел попрощаться с тобой наедине, приобнял маленько, а ты забилась, как птичка, испугалась. Я ему говорю: «Так она же малолетка, в шестом классе учится». У него челюсть отвисла просто. – Светка посмотрела Леле в глаза, прыснула, а потом в голос захохотала, держась за живот. – Ты бы видела его! О-ох, не могу!

Леля понимала, что ведь он и правда не знал. Он не спрашивал – она не говорила...

– Ну вот, – просмеявшись, добавила Светка, – он и сказал, чтоб ты на него не обижалась. На самом деле он хороший парень.

– Я не обижаюсь, – улыбнулась Леля и отважно добавила: – Он хорошо целуется. Просто было, знаешь, неожиданно.

– Да ла-адно, неожиданно! Он же на тебя сразу запал, будто непонятно. – Светка крепко обняла и поцеловала Лелю в щеку. – Ну давай! Увидимся, сестренка!

Зачем Лелю оставили в больнице до понедельника, было непонятно. Она ведь уже совсем, абсолютно здорова. Медсестра Лилия Генриховна сказала, что ей нужно окончить курс противовоспалительной терапии и по регламенту ее могут выписать только в понедельник, после обхода.

Седьмая палата совсем опустела. Выписали и Тамару Александровну, а на ее место положили совсем маленькую девочку. Леля не сразу и с удивлением поняла, что девочке вообще-то двенадцать лет.

Свернувшись калачиком поверх одеяла и глядя на голые ветки за окном, Леля снова и снова думала о том, что произошло между ней и Зориком. «Он хороший парень»... Она не хотела его забывать, но чувствовала облегчение оттого, что у этой истории не будет продолжения. Леле казалось, что она заглянула в запретную комнату, как в замке у Синей Бороды, и узнала тайну, которую ей очень хотелось, но пока не следовало знать. И вот теперь она знает, но никому не расскажет, а с мудрой улыбкой тихонько закроет дверь и оставит эту тайну на потом.

Леля поднялась по лестнице на третий этаж не спеша, как будто так и надо, прошла по знакомому коридору и осторожно открыла дверь в пятую палату. У кровати Андрея стояла стойка на колесиках, к ней был подвешен мешочек с прозрачной жидкостью, а тонкая трубка вела к его руке. Светлая волнистая челка шевельнулась на подушке. Леля вошла и прикрыла за собой дверь.

– Здравствуйте, – поздоровалась она сразу с Андреем и с его соседом.

– Привет. – Андрей улыбнулся. Он явно ее узнал. – Как дела, Гретцки? Выздоровела?

– Да вроде бы, меня выписывают завтра. А ты как?

– Я отлично, – улыбнулся Андрей, – как видишь. Ты присядь, не стой. – Он показал глазами на край кровати.

– Я как-то заходила к тебе, – осторожно присаживаясь, сообщила Леля, – а тебя на месте не было.

– Да просто я в другой палате был, для разнообразия. – Андрей усмехнулся.

Леля хотела спросить, что с ним было такое, и почему вдруг реанимация, и правда ли, что его еле спасли, но вовремя сообразила, что ничего этого спрашивать не стоит.

– К экзаменам готовишься?

– Конечно. Когда от меня капельницу отцепляют.

– А можно твой альбом посмотреть? – вдруг осмелилась Леля.

– Смотри, если хочешь. Только там ничего интересного, я пока светотень и форму прорабатываю.

Леля взяла с тумбочки альбом и начала осторожно листать страницы. Граненый стакан, яблоко, пустая литровая банка – она не могла оценить, хорошо ли это сделано, но ей казалось, что превосходно. Все было объемное, настоящее, живое.

– По-моему, очень красиво. А я вот совсем рисовать не умею, представляешь?

– А ты была когда-нибудь на море? – спросил вдруг Андрей.

– Была один раз, но еще совсем маленькой. А ты?

– Я вообще нигде не был. Вот поступать поеду в Новосибирск. А так – мечтаю море рисовать. Бури, шторма, шквальный ветер, как у Айвазовского.

– Классно, что у тебя мечта есть. И кем быть, и что рисовать. Я вот пока не знаю, что выбрать.

Леля перевернула страницу. Там простым карандашом, легко и изящно, был нарисован каменистый берег, а на большом валуне, повернувшись ко всем спиной и гля-

дя вдаль, сидела крошечная фигурка с высоким хвостом на макушке.

– Так я в твоём возрасте тоже ещё не знал, чего хочу, – улыбнулся Андрей.

– В каком это – моем?

– Ну тебе же лет тринадцать, не больше. Правильно?

– Правильно, – улыбнулась Леля и аккуратно закрыла альбом.

16

Из школы до дома было совсем недалеко. Дорога бежала по залитой солнцем улице мимо крылечка детской библиотеки, прилипшего к торцу жилого дома, через асфальтированную площадку, где Леля с девочками играли в скакалку или чертили классики. Только у самого дома солнце исчезало – после полудня у подъездов всегда лежала густая сырая тень. Леля взлетела вверх по ступенькам, задержавшись на минутку у почтовых ящиков. Ничего интересного, никаких писем или журналов сегодня, только мамина «Правда Бурятии». Дома никого не было. Леля поставила на плиту кастрюлю с супом, сунула в розетку электрический чайник. Включила телек – вдруг мультик? Нет, «Шахматная школа». Чайник громко сипел на кухне.

«До музыкалки ещё час, надо бы повторить вариации и этюд».

Было ужасно неохота. Леля развернула мамину газету. Кроссворда на четвертой полосе не было. Жаль. Столбик стихов, интервью с кем-то неизвестным... Она скользнула взглядом по черным прямоугольничкам некрологов. На этот раз их было три. Леля машинально пробежала глазами имена, и вдруг у нее перехватило дыхание. Так бывает от внезапного испуга, когда поскользнешься

и сумеешь не упасть, но все внутри сжимается в комок. В нижнем прямоугольничке значилось: «Андрей Дымов, 1966 года рождения».

Леля еще немного посидела в тишине – шум чайника, монотонный бубнеж телевизора – все как будто растворилось и исчезло.

«Как это, разве так может быть?»

Она отчетливо вспомнила граненый стакан с остро заточенными простыми карандашами и почему-то – море. Потом она встала, подошла к окну и на всю ширину раздвинула шторы. Бешеное, оголтелое, совсем уже весеннее солнце резало глаза, в открытую форточку врвался пряный дух оттаявшей хвои и дикий дурман багульника, доносился гомон воробьев, шум разбрызгивавших лужи машин и веселое дребезжание трамвая, а по жестяному подоконнику, как по клавишам печатной машинки, звонко и неровно стучала капель.

В город окончательно пришла весна.